

ТРУДЫ КИРОВСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА КРАЕВЕДЕНИЯ
ТОМ VII, ВЫП. 3

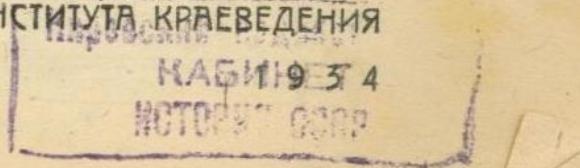

А. В. ЭММАУССКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ
ЗА ЗЕМЛЮ И КРЕСТЬЯН
В АРЗАМАССКОМ УЕЗДЕ
В XVI—XVII ВВ.

ИЗДАНИЕ КИРОВСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА КРАЕВЕДЕНИЯ
КИРОВ

Ответственный редактор С. В. Токарев.

Крайлит № 9832. Вятка 1934 г.

Вятский научно-исследовательский институт краеведения.

Сдано в произв. 15/VIII.

Количество печ. л. 2¹/₄.

Типо-литография. пл. Ст. Халтурина, 40, тел. 88-87.

Ст. ф. Б-5 176×250.

Тир. 400 экз. З. № 5070.

Сдано в печать 29/IX.

Колич. зн. в л. 66000.

Из истории борьбы за землю и крестьян в Арзамасском уезде в XVI—XVII вв.¹⁾

Развитие производительных сил в Московском государстве в XVI—XVII вв. привело к значительным сдвигам как в экономике страны, так и в области классовых и политических отношений.

Это был тот период русской истории, который, по словам В. И. Ленина, „характеризуется действительно фактическим слиянием всех областей, земель и княжеств в одно целое“. Это слияние „вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок“.

Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты — купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным, как созданием связей буржуазных²⁾. Основой общественно-экономической структуры Московского государства этой эпохи попрежнему оставался феодальный способ производства, на базе которого торгово-ростовщический капитал выполнял свою историческую миссию, т. н. первоначального накопления, но развитие этого торгово-ростовщического капитала внесло в феодальное хозяйство большую перемену, которая „состояла в разрушении феодальной вотчины, как самодержавлеющего экономического целого и появлении землевладельца, прежде гордого в своем экономическом уединении, на рынке как в качестве покупателя, так и в качестве продавца“³⁾. Как

¹⁾ Настоящая статья представляет собою сокращенный очерк большого, написанного еще в 1927—29 гг., исследования автора по истории Арзамасского уезда в XVI—XVII вв., которое по техническим причинам не может быть напечатано целиком в данном издании. В состав публикуемой статьи включены поэтому лишь основные материалы по исторической географии Арзамасского уезда и по истории захвата русскими помешиками земельных угодий и закрепощения крестьянского населения Арзамасского уезда на рубеже XVI и XVII столетий. При этом те исторические явления и события, которые происходили на территории уезда во время крестьянской войны начала XVII в., так называемой „Смуты“, остались вне рамок настоящей статьи, поскольку автор стремился показать формы и методы борьбы за землю в сравнительно „мирных“, т. е. обычных для XVI—XVII вв., условиях. Однако, кое-какой материал из эпохи „Смуты“ все же включен и в данный очерк.

Материалом для статьи послужили данные следующих источников: 1) Писцовой книги Арзамаса 7129—7131 годов (1621—23 г.), чч. 1 и 2. Первая часть этой книги напечатана Нижегородской архивной комиссией в сборнике Н. Г. У. А. К., т. XV., вып. VIII, 1915 г. Вторая часть еще не опубликована и хранится в Московском государственном архиве феодально-крепостной эпохи. 2) Переписной книги Арзамаса 7154 г. (1646 г.), хранящейся там-же. 3) Арзамасских поместных актов, изданных в 1915 г. С. Б. Веселовским. В статье указания на эти акты сокращенно обозначены буквами А. П. А.

Что касается прилагаемой карты Арзамасского уезда XVI—XVII вв., то для ее составления автору пришлось пользоваться старыми картами Арзамасского и соседних уездов бывшей Нижегородской губернии. Поэтому на нашей карте сохранено масштабное измерение в верстах, а не в километрах.

²⁾ Ленин, Соч., т. 1, стр. 73, изд. 3-е.

³⁾ Покровский М., Русская история с древнейших времен, т. I, стр. 166, изд. 8-ое, ОГИЗ, 1933 г. (курсив М. Покровского).

блестяще показал М. Н. Покровский, вотчина московских феодалов, князей и бояр, не могла приспособиться к новым условиям экономической жизни и должна была уступить свое место поместью, на стороне которого были все экономические выгоды, дававшие помещику возможность организовать хозяйство, более отвечающее требованиям рынка.

Ясно, что при наличии феодального способа производства поместное хозяйство было построено на тех же началах, на которых основывалось и вотчинное хозяйство, т. е. на началах феодальной эксплоатации непосредственных производителей — крестьян, находящихся в личной зависимости от землевладельцев, причем формой эксплоатации крестьян являлись, как и прежде, формы докапиталистической земельной ренты: барщина и оброк. Эти формы эксплоатации, широко применяемые помещиками на основе внеэкономического принуждения, давали землевладельцу возможность выкачивать из крестьян прибавочный продукт, чтобы реализовать его на рынке и превратить в потребные для себя товары.

Таким образом главным условием поместного хозяйства являлась земля, служившая средством эксплоатации крестьян и, естественно, что эта земля и крестьяне становятся объектами жесткой борьбы между помещиками. Помещики — мелкие вассалы московского государя, как известно, получали землю в качестве бенефиция за свою службу в войске сюзерена, но сама техника земельных пожалований была такова, что во многом способствовала земльному ажиотажу и вызывала усиленную борьбу между служилыми людьми. Основное здесь заключалось в том, что между поместным „окладом“ вассала и его поместной „дачей“, т. е. полученным им в натуре земельным владением, почти всегда наблюдалось большое несоответствие: дача в редких случаях равнялась окладу, составляя обычно лишь больший или меньший процент последнего. Московское правительство, впрочем, никогда не препятствовало выполнению помещиком его оклада, но оно предоставляло своим служилым людям право самим подыскивать подходящие участки земли, чтобы закрепить их за данным помещиком „в его оклад“.

Но одна земля сама по себе не представляла большой ценности для помещиков: она была лишь необходимым условием для эксплоатации крестьян.

Поэтому помещики, организуя свое феодальное хозяйство, всеми мерами закрепощали крестьян, захватывали крестьянские земли и заставляли крестьян выполнять барщину, натуральные и денежные оброки и ряд других феодальных повинностей. Эпоха XVI—XVII вв. была, как известно, переломным моментом в области отношений между московскими феодалами и крестьянами, когда началось и, в основном, завершилось „второе издание“ крепостничества в России.

Это вторичное закрепощение, экономически обусловленное проникновением товарно-денежного хозяйства в систему феодальных производственных отношений, пришло на смену более раннего княжеско-боярского крепостничества, установленного в процессе феодализации народов Восточно-Европейской равнины и выразившегося в насильственном превращении самостоятельных крестьян-общинников в массу смердов, закупов, половников, изгоев, сирот и т. п., находившихся в различных степенях феодальной зависимости у князей, бояр, монастырей и епископов, на которых они выполняли „всякую страдную работу“ и которым они платили всевозможные дани и оброки. В XIV—XV вв. это первоначальное крепостничество частично смягчилось, крестьяне стали иметь „право выхода“ от феодалов, крестьянские повинности были сведены в основ-

ном к уплате оброка, и крестьяне получили возможность развивать производительные силы своего хозяйства.

Однако, уже с конца XV в. началось новое, вторичное закрепощение, проводимое помещиками с помощью государства, заставлявшего крестьян вновь „пашню помещикову пахати и оброк помещику платити, чем он их изброчит“ и вообще „слушати помещика во всем“. Это вторичное закрепощение вызвало сильнейший отпор со стороны крестьянства, усилило классовую борьбу крестьянства против феодалов, выразившуюся в массовом бегстве крестьян, в террористических расправах с помещиками и, наконец, в массовых крестьянских восстаниях, крестьянских войнах, каковыми были известные в истории России „Смута“, „Разинщина“, „Булавинщина“, „Пугачевщина“ и т. п. Поражение крестьян в первых восстаниях XVI и начала XVII вв. окончательно решило их участь, основная масса крестьянства была закрепощена, и это закрепощение было юридически оформлено специальными статьями Соборного уложения 1648—1649 гг.

Вторичное закрепощение проводилось не только на основной территории Московского государства. С не меньшей силой оно проходило и в районах, населенных нерусскими народностями. Процесс закрепощения в этих районах носил еще более свирепый и грабительский характер и сопровождался массовым ограблением крестьян-националов, захватом их земель и имущества, превращением националов в рабов, частично продаваемых на невольничих рынках, и насилиственной христианизацией туземного населения. Поэтому закрепощение националов осложнялось национальными противоречиями и борьбой националов против угнетателей и экспроприаторов—русских феодалов. Эта борьба, далеко еще не изученная, шла изо дня в день, но победа неизменно оставалась на стороне русских крепостников, обладавших лучшей военной техникой, лучшей организованностью и лучшим аппаратом принуждения в лице своего крепостнического государства. Побежденные националы закрепощались и становились „колониальными рабами“ русских помещиков.

Но если русские феодалы в целом, как класс, общими силами вели наступление на русское и национальное крестьянство, то внутри своего класса между отдельными помещиками шла также упорная борьба за крестьян, за крепостной труд, происходившая одновременно с борьбой за землю.

Если общая картина борьбы за землю и крестьян уже достаточно выяснена в марксистской историографии, то напротив частности этой борьбы, развивавшейся в конкретных условиях отдельных уездов, волостей, станов и деревень Московского государства, далеко еще не исследованы. Очередной задачей историков марксистов является поэтому анализ соответствующего материала, отражающего ход и развитие вторичного закрепощения и борьбы за землю и крестьян в течение XVI и XVII вв.

На эту задачу выяснения всех форм классовой борьбы в их взаимной связи указывал еще В. И. Ленин в своей работе „Что такое друзья народа“.

„Теоретическая работа ее (социалистической интеллигенции. А. Э.) должна будет при этом направиться на конкретное изучение всех форм экономического антагонизма в России, изучение их связи и последовательного развития; она должна вскрыть этот антагонизм везде, где он прикрыт политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками. Она должна дать цельную картину нашей действи-

тельности, как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплоатации и экспроприации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие¹⁾.

Предлагаемая работа является попыткой вскрыть основные методы борьбы за землю и крестьян и показать на конкретном локально-ограниченном материале, относящемся к Арзамасскому уезду, картину ожесточенной конкуренции служилых людей, ставшихся овладеть землей и крестьянами необходимыми им для утверждения своего экономического и политического господства.

I. Арзамасский уезд на рубеже XVI—XVII вв.

Вторичное закрепощение и борьба за землю и крестьян в Арзамасском уезде осложнялись тем, что этот уезд первоначально являлся мордовской территорией, в которую, сравнительно, поздно просочилось русское население. Еще в XII веке вся территория, расположенная к югу от слияния Оки с Волгой до верховьев рр. Цны и Хопра, была сплошь заселена мордвой. Мордва в это время являлась земледельческим народом, занимавшимся сельским хозяйством и лесными промыслами и распадавшимся на ряд племен, во главе которых стояли мордовские племенные князья.

Наступление русских феодалов на Мордовский край началось во второй половине XII в. со стороны Владимиро-Сузdalского, Рязанского и Муромского княжеств. Русские феодалы совершили военно-грабительские походы на мордову, грабили ее, разоряли мордовские селения и возвращались обратно, „ополонившись челядью“ и нагруженные всякой добычей. В начале XIII в. был построен на мордовской земле русский укрепленный пункт — город Нижний-Новгород, и с этого времени началась длительная война русских с мордвой, продолжавшаяся до конца XIV в. По мере завоевания Мордовского края русскими происходила военно-феодальная „колонизация“ этого края, сопровождавшаяся экспроприацией мордовских земель и заселением их русским крестьянством. „Это отнюдь не было мирное заселение „культурными“ славянами пустых земель, где там и сям бродили дикие охотники. Это было изнасилование и угнетение довольно густо заселенной земледельческой страны, по материальной культуре, вероятно, мало отличавшейся от русских поселенцев; но последние были лучше вооружены и лучше организованы в военном отношении. У них уже прошел процесс феодализации, образовался постоянно вооруженный и профессионально-военный верхний слой населения, тогда как мордва не вышла еще, повидимому, из племенной стадии. Славянские пришельцы покорили ее с тою же легкостью, с какою самих славян за несколько веков перед этим покорили небольшие, но хорошо вооруженные и вымуштрованные отряды норманских викингов. Но мордва сдалась, мы видели, не без бою, и только самыми отчаянными и беспощадными средствами удалось подавить последние попытки ее сопротивления угнетателям. Причем едва ли нужно это говорить, физически, разумеется, не были истреблены все мордовские племена, или хотя бы большинство их. Князьям-завоевателям и их боярам, словом, русской феодальной знати нужны были рабы, а не трупы“²⁾.

¹⁾ Ленин, Сочинения, т. 1, стр. 191, изд. 3-е (курсив Ленина).

²⁾ М. Н. Покровский, Русская история с древнейших времен, т. I изд. 8, ОГИЗ, 1933 г., стр. 245 (курсив Покровского).

Однако, мордва и после ее разгрома русскими продолжала еще владеть землей почти на всей территории Мордовского края и попрежнему управлялась своими князьями, ставшими вассалами великого князя московского. На это определенно указывает духовная Ивана III, относящаяся к началу XVI в. (1505 г.). Русского населения здесь было еще немного. Лишь начиная с середины XVI в., после казанского похода Ивана IV Грозного 1552 г., когда Московским государством были разгромлены и покорены казанские татары и марийцы, Мордовский край стал усиленно заселяться русскими людьми, вытеснившими мордову с ее исконных земель все дальше на юг от Нижнего-Новгорода. В это время был построен на р. Теше г. Арзамас и образован Арзамасский уезд, во главе которого был поставлен воевода. Новый уезд тотчас же поступил „в раздачу“ помещикам, которые получали от государя поместья в уезде и начинали эксплуатировать и закрепощать массу местного русского и мордовского населения.

Заселяясь постепенно русскими, Арзамасский уезд еще долгое время продолжал оставаться окраиной государства, лежащей на границе коренных русских уездов, областей, заселенных нерусскими народностями, и дикой степи. Так еще в 60—70-х гг. XVII в., во время восстания Степана Разина, Арзамас был местом, дальше которого боялись двинуться московские войска до самого поражения Разина. Степь была охвачена огнем восстания, там в степи собирались многочисленные отряды разинцев, а влияние русских властей было еще чрезвычайно слабо. Поэтому не случайно, что командующий московским войском, оперировавшим против С. Разина, боярин князь Ю. А. Долгорукий избрал именно Арзамас своей главной квартирой и резиденцией и отсюда руководил подавлением восстания. Дальше Арзамаса идти было опасно. Курмыш, Ядрин, Козьмодемьянск, Свияжск, Чебоксары и др. города этих же мест восстали против Москвы и встречали разинцев „с хлебом и солью“. Помещики этих городов убегали от своих крестьян и холопов и спешили укрыться в Арзамасе. Все это указывает, что как в XVI, так и в XVII вв. Арзамасский уезд являлся конечным местом московского влияния.

Границы Арзамасского уезда в том виде, в каком этот уезд сложился во вторую половину XVI и в начале XVII вв., можно, приблизительно, определить следующим образом: на севере граница шла по рр. Теше и Пьяне, на востоке по рр. Пице и Сале, на юге по водоразделам бассейнов рек Пьяны и Теши, с одной стороны, и рек Алатыря и Сатиса — с другой стороны. Наконец западная граница шла изгибом по левой стороне бассейна р. Леметь, от ее истока до устья (см. прилагаемую карту).

Но этими границами не определялась фактическая территория уезда, так как к уезду примыкали некоторые местности соседних уездов, а также вновь захваченные русскими помещиками места „дикого поля“. Так, обычно к Арзамасскому уезду причислялся Завадский стан Курмышского уезда, находившийся в бассейне р. Вад, притока Пьяны, к северу от р. Кевсы. Также к Арзамасу относились некоторые местности Кадомского (на юго-западе) и Алатырского (на юге) уездов. Затем к Арзамасскому же уезду причислялась обширная, но слабо заселенная окраина за так наз. „Пузской засекой“, за р. Алатырь, в бассейне правых притоков последней, рр. Ирсети, Инсары и Рудни¹⁾. Вся эта территория занимала громадную площадь, приблизительно, равную 9800 кв. км.

В XVI в. непосредственными соседями Арзамасского уезда были: на севере Нижегородский и Курмышский уезды, на востоке Курмышский

¹⁾ Эта окраина обычно причислялась к Залесному стану, Арзамасского уезда (см. карту).

и Алатырский уезды, на юге Алатырский и Кадомский и на западе Муромский уезд.

В административном отношении Арзамасский уезд, как и большинство остальных уездов Московского государства, делился на станы. Таких станов в Арзамасском уезде в XVI в. было пять: Подлесный, Иржинский, Тешский, Ичаловский и Залесный. Первые четыре находились в бассейне р. Теши и носили общее название „Утишья“. Они ограничивались от остальных территорий лесами: Собакинским, Шатковским, Алатырским и Муромскими. Залесный стан весь лежал в бассейне р. Пьяны, за Шатковским и Собакинским лесами.

Наиболее удобными по почвенным условиям для жизни населения частями Арзамасского уезда являлись Тешский и Залесный станы, за ними следуют Иржинский стан и северная часть Ичаловского стана. Естественно, что в этих местах, богатых черноземом, разгорается самая острая борьба за землю. Что касается плодородной черноземной окраины за Пузской засекой, то ее удаленность от уездного центра и небезопасность в смысле соседства с воинственными племенами, главным образом, ногайских татар, были большим препятствием для поселения в этих местах.

С самого начала русской „колонизации“ Арзамасского уезда, с того самого времени, когда русские помещики, пользуясь силой, стали захватывать в свои руки мордовские земли, леса и прочие угодья, постепенно стали внедряться в уезд все те формы землевладения и землепользования, которые уже были развиты в коренных московских уездах. Поэтому естественно, что в конце XVI и начале XVII вв. мы уже встречаем в Арзамасском уезде земли и деревни черные, дворцовые, монастырские, вотчинные и поместные. В утверждении этих форм землевладения опять ярко сказался окраинный характер Арзамасского уезда. Как окраина, Арзамас преимущественно заселялся поместным служилым людом, что легко вскрывается из следующей таблицы, составленной по данным Арзамасских поместных актов:

№ п/п.	СТАНЫ	С е л е н и и я					Итого
		помест- ные	двордо- вые	вотчин- ные	мона- стырские	нерус- ские	
1	Подлесный	15	1	1	—	4	21
2	Иржинский	21	2	1	1	2	27
3	Тешский	33	14	2	2	3	54
4	Ичаловский	26	1	1	—	6	34
5	Залесный	89	—	—	2	29	120
6	Завадский	9	—	—	1	1	11
7	За Пузской засекой .	2	2	—	—	4	8
Всего . . .		195	20	5	6	49	275
В %		70,9	7,2	1,9	2,2	17,8	100

Из приведенной таблицы видно, что поместные и вотчинные деревни, следовательно, и служилое землевладение и абсолютно и относительно преобладают, охватывая до $\frac{3}{4}$ всех населенных пунктов Арзамасского уезда. Остальная же четвертая часть уезда распределяется между всеми другими видами землевладения, из которых наиболее многочисленными являются нерусские (до 18%) и дворцовые (свыше 7%) поселения.

Таким образом служилое землевладение, поместное и вотчинное абсолютно господствовало в Арзамасском уезде над всеми остальными

видами землевладения и непрерывно увеличивалось в течение XVI—XVII вв. По нашим источникам можно, примерно, проследить темп роста служилого землевладения, сопоставляя данные описаний конца XVI и первой половины XVII вв. Из этих данных видно, что к 1585 году служилым людям в Арзамасском уезде было раздано в поместья и в вотчины, судя по писцовым книгам Игнатия Зубова с товарищами 93-го года (т. е. 1585 г.), служившим приправочными книгами для писцов 1621—23 гг., уже 54 540 чети в поле, а „в дву потому ж“ пашни, перелогу и всякой земли, помимо сенокосных угодий¹⁾.

В качестве сенокосных угодий служилые люди Арзамаса владели площадью земли, на которой ставилось 90073 копны сена. Переводя все это в десятины, мы получаем для 1585 г. круглым числом 86500 десятин земли, находящейся во владении служилых людей.

С того времени это количество ежегодно возрастало. В начале 20-х годов XVII в., судя по писцовым книгам Тимофея Иэмайлова с т-ши 129—131-го гг. (1621—23 г.), в руках арзамасских помещиков и вотчинников сосредоточивалось уже 75587½ четей пашни и перелогу и всякой земли в одном поле и 139533 копны сена. Кроме того служилым людям Арзамаса в это же время принадлежало 739 десятин лесу и дубравы непашенной. В переводе на десятины все это составит свыше 121000 десятин земли, т. е. на 34500 десятин или на 40% больше, чем в 1585 г. Таким образом в течение 35 лет арзамасские помещики захватили около 35000 десятин, т. е., примерно, по 1000 десятин, в среднем, в год. Таков был темп роста служилого землевладения в Арзамасе. Однако, далеко еще не вся земля была захвачена. Выше было указано, что площадь уезда равнялась, приблизительно, 9800 кв. км, что составит свыше 1000000 десятин земли. По отношению к этому количеству общая площадь земли, которой владели арзамасские служилые люди в 20 годах XVII в., равная 121000 десятинам, составляет всего лишь 12%. Но, конечно, далеко не вся земля в уезде являлась удобной для земледельческой культуры: значительная часть земли была занята болотами, девственными лесами, водными угодьями и другими видами земель, не шедших в раздачу помещикам. Поэтому в действительности служилые земли в Арзамасском уезде к 1620 годам занимали значительно большую часть всей удобной земли, чём это показывает нам выведенное выше процентное отношение.

После 1621—23 гг. и до конца изучаемого периода в Арзамасском уезде не было общих описаний и обмеров земель служилых людей. Поэтому неизвестно, в какую сторону и каким темпом шел дальнейший захват земли арзамасскими помещиками и вотчинниками.

Некоторое понятие о дальнейшем росте феодального землевладения в Арзамасском уезде может дать наблюдение над ростом дворовладения и ростом населения поместий и вотчин в 1-й половине XVII в. Данные о количестве дворов и людей в них, имеющиеся в нашем распоряжении от 80-х годов XVI в., 20-х и 40-х гг. XVII в., конечно, не могут заменить собой данных о количестве земли, но все же они дают известное представление о росте последнего, поскольку эксплоатация земли

¹⁾ Писцовые книги — поземельный кадастр XVI—XVII вв. — книги, содержащие описи населения всех сел, деревень и прочих населенных пунктов Московского государства и всех земельных угодий, принадлежавших помещикам и крестьянам. Приправочные книги — книги старых описаний, служившие для справок писцам (статистикам), производившим новое описание.

Четь — древне-московская мера площади, равная $\frac{1}{2}$ десятины. Обычно земля мерилаась в одном поле, а остальные два поля при трехпольной системе приравнивались к первому полю. Это выражалось формулой: столько-то „четей в поле, а в дву (т. е. в двух остальных) потому ж (т. е. по стольку же)“.

помещиками была немыслима без рабочих рук, и само царское правительство стремилось испомещать служилых людей, по возможности, на населенных землях, чтобы обеспечить господствовавшему классу — феодалам — возможность эксплоатации крестьянства.

Что касается количества жилых дворов в поместьях и вотчинах Арзамасского уезда, то здесь мы имеем следующую картину: в 1585 г. в Арзамасском уезде по писцовым книгам Игната Зубова с товарищи 93 г. числилось 2270 дворов крестьянских и 223 двора бобыльских, а всего 2493 двора. По писцовым же книгам Тимофея Измайлова с товарищи 1621—23 гг. там же зарегистрировано 4847 дв. крестьянских и 2630 дворов бобыльских, т. е. всего 7477 дворов. Сравнивая эти данные, мы находим что количество крестьянских дворов возросло за 35 лет на 2577 дворов или на 113,5%, в то время как количество дворов бобыльских увеличилось на 2407 дворов или на 107,9%. В общей сложности произошло увеличение на 4984 двора или на 200%, по сравнению с количеством всех дворов в 1585 году. Колossalное увеличение бобыльских дворов замечательно ярко свидетельствует о влиянии крестьянского восстания начала XVII в., во время которого и после которого многие крестьяне, вследствие разорения их хозяйств, переходили в разряд бобылей, причем некоторые так и оставались в этом разряде, существуя своим ремесленным трудом или случайным заработком и не желая переходить в крестьяне, чтобы избежать тягла.

Выше уже было сказано, что за это же время количество земли у помещиков и вотчинников Арзамасского уезда возросло на 40%. Таким образом росту дворов на 200% соответствует рост земли на 40%, или дворы растут в 5 раз скорее, чем земля. Если взять теперь данные переписной книги 1646 года ¹⁾, то оказывается, что в этом году в поместьях и вотчинах Арзамасского уезда было 12880 дв. крестьянских и 3814 дворов бобыльских, а всего 16694 двора. Таким образом за 30 лет количество крестьянских дворов увеличилось на 8033 двора или на 165%, в то время как количество бобыльских дворов увеличилось на 1184 двора или всего лишь на 45%. Общее же количество дворов возросло на 9217 дворов или на 125%, по сравнению с 1620 годом. Резкое уменьшение роста бобыльских дворов, повидимому, обясняется политикой правительства в области обложения, переходом к подворному налогу и стремлением вовлечь бобылей в число тяглецов, а также закрепощением бобылей за помещиками, сопровождавшимся наделением бобыльских хозяйств землей и переводом их в разряд крестьян ²⁾.

Итак, количество дворов возросло на 125%. Принимая во внимание найденную нами пропорцию роста дворов и земли, мы получаем, что за то же время земля должна была возрасти не меньше, чем на 25%. Конечно, этот процент нельзя считать окончательно установленным, так как он выведен на основании средних цифр за ряд лет, причем эти цифры характеризуют рост дворов, а не земли. Отношение же роста дворов к росту земли является не всегда одинаковым, ибо темпы роста могут изменяться, в зависимости от многих экономических и политических условий. Однако, не имея поземельных данных, мы можем воспользоваться и подворными итогами, чтобы получить некоторое ориентировочное представление о темпе захватов земли русскими помещиками в Арзамасском уезде в XVII в.

¹⁾ Переписные книги — книги, содержащие перепись населения Московского государства.

²⁾ См. М. Н. Покровский, Русская история с древнейших времен, т. II, изд. 3, стр. 96—98.

При изучении земельных отношений Арзамасского уезда следует обратить внимание на социальный состав служилого Арзамаса и на степень его земельного обеспечения. И то и другое отличалось значительной пестротой. Состав служилого Арзамаса был чрезвычайно разнообразен. Мы встречаем там, кроме уездного арзамасского дворянства, дворян иногородных и столичных, которые хотя и не служат по Арзамасу, но тем не менее имеют там значительные поместные и вотчинные владения. Взяв в целом всех землевладельцев уезда, мы найдем в их составе представителей почти всех ступеней служилой лестницы: детей боярских городовых, дворян дворовых и выборных, жильцов, стольников, окольничих и бояр. К ним присоединяются другие московские и провинциальные чины, вроде дьяков, подьячих, стрелецких и казачьих сотников и т. п., а в 40-х годах здесь же испомещаются маюры, полковники, прапорщики и другие чины иноземной службы¹⁾. Но основным ядром остаются все же уездные дворяне и дети боярские, несшие службу по Арзамасу, там же верстанные поместным окладом и там же испомещенные „в половину своего оклада в Тиши (т. е. в бассейне р. Теша), а другую половину за лесом“ (т. е. в Залесном стане).

Для того, чтобы несколько ориентироваться в составе основного ядра арзамасских помещиков — уездном дворянстве, можно воспользоваться „Десятней“ 1613 года, находящейся в сборнике Арзамасских актов (А. П. А. № 390).

Данные ее сведены в следующую таблицу:

ОКЛАД В ЧЕТВЕР. ЗЕМЛИ (четы)	Выбор.	Дворо- вые	Городо- вые	Итого	Всего в группе	В % %
800	2	—	—	2	группа крупных поме- щиков с окладом от 550 до 800 чет.	15,5
750	4	—	—	4		
700	—	8	—	8		
650	—	1	—	1		
600	4	13	28	45		
550	1	3	9	13		
					73	
500	—	—	31	31	группа средних поме- щиков с окладом от 350 до 500 чет.	27,5
450	—	—	30	30		
400	—	—	33	33		
350	—	—	36	36		
					130	
300	—	—	55	55	группа мелких поме- щиков с окладом от 150 до 300 чет.	57,0
250	—	—	45	45		
200	—	—	119	119		
150	—	—	51	51		
					270	
Итого . .	11	25	437	473	473	100
B % %	2,3	5,3	92,4	100,0		

¹⁾ В тексте перечислены наименования различных чинов Московского государства, служивших в феодальной армии, при дворе государя и в центральных органах управления (приказах). Все они делились на четыре основных группы: а) думные чины — высшая аристократия, заседавшая в боярской думе и правившая государством; к этой группе принадлежат, начиная с высшего чина, бояре, окольничие и думные дворяне; б) московские чины — крупные землевладельцы и родовитые дворяне, служившие в столице и при царском дворе; сюда относятся: стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы; в) провинциальные чины — средние и мелкие помещики, служившие в провинции

Как видно из этой таблицы, абсолютное большинство дворян принадлежало к группе мелкопоместных детей боярских, которые, следовательно, составляли основное ядро арзамасских служилых людей.

Однако, назначенные по верстанию поместные оклады служилых людей Арзамаса, как общее правило, не совпадали с их фактическими дачами. Городовому дворянину было в особенности трудно получить в натуре свой оклад „сполна“. Сплошь и рядом он получал лишь 50—70% своего поместного оклада, поэтому нет ничего удивительного в том, что многим из арзамасцев, несмотря на сравнительно большой оклад, все таки „государеву службу служить не мочно“ и многие из них „за бедностью“, „за худобою“ выбывали из состава служилого класса.

Для выяснения размеров фактических дач арзамасцев как поместных, так и вотчинных воспользуемся данными писцовой книги 1621—23 гг. Правда, за время, прошедшее с 1613 по 1621 гг., личный состав служилого Арзамаса несколько изменился и в писцовой мы не встречаем некоторых имен, зарегистрированных в десятиле 1613 года, но соотношение дифференцированных групп от этого не изменилось. По данным писцовой книги 1621—23 гг., землевладение арзамасских помещиков представляется в следующем виде:

ГРУППЫ ПОМЕЩИКОВ	Их окла- ды (в четях в 1-м поле)	Количе- ство по- местных жеребьев	Дача (в четях в 1 поле)		В %	
			всего земли	в сред- нем на 1 жереб.	к же- ребьям	к земле
Мелкие помещики						
(дворяне и дети боярские).	от 100 до 300	196	16042	82	46	26
Средние помещики						
Крупные помещики	от 350 до 500	105	16580	158	25	27
(дворяне дворовые, выбор- чицы, стольники, околь- ничие, бояре и князья).	от 550 до 900	123	29366	239	29	47
Всего... .		424	61988	146	100	100

Остальная земля находилась в руках прочих групп помещиков: недорослей, новиков, сотников, служилых иноземцев, стариков и вдов на прожитке и т. д.¹⁾. Как видно из этой таблицы, почти половина всей поместной и вотчинной земли была захвачена крупными помещиками, в то время как в руках мелкопоместных дворян, держащих почти половину

нных городах; к ним принадлежат: дворяне выборные, дети боярские дворовые и дети боярские городовые; г) приборные чины — низшие чины армии, служившие по найму и рекрутировавшиеся из разных классов населения; сюда относятся: стрельцы, казаки, пушкари и т. п. и их ком. состав: сотники и головы. Кроме того сюда же причислялись наемные иностранные специалисты: майоры, полковники, офицеры. На ряду с этими чинами, г. о. военными и придворными, были и гражданские чины: дьяки, т. е. секретари различных центральных приказов (министерств) и под'ячие, т. е. делопроизводители и прочие канцеляристы — мелкие чиновники.

1) Служить в феодальной русской армии дворяне начинали с 15 лет. До этого „призывающего“ срока они числились на учете и назывались недорослями. Как только им исполнялось 15 лет, они переводились в разряд новиков, т. е. вновь призванных в армию и служили обычно „с отцова“ поместья, пока не получали собственного участка земли. Старые помещики — инвалиды и вдовы убитых на войне или умерших помещиков получали небольшие участки земли в обеспечение их жизни. Это называлось „прожиток“ или „прожиточное поместье“.

всех жеребьев, находилась едва четверть земельных угодий. Ясно, что мелкие помещики, теснимые крупными, должны были очень недружелюбно посматривать на своих конкурентов и вести с ними ожесточенную борьбу за расширение своих собственных земельных владений.

II. Борьба за землю

Земля была предметом постоянных споров и раздоров между помещиками, каждый из которых стремился не только получить в натуре весь свой поместный оклад, но и захватить какую нибудь соседнюю, плохо лежащую землю, сверх своего оклада, чтобы начать эксплуатировать ее в свою личную пользу. Чем гуще становится сеть помещичьих владений, тем больше и острее становится борьба за землю.

Эта борьба проходила в основном по трем направлениям: во-первых, борьба между русскими помещиками и нерусскими народностями, которых русское правительство окрестило „инородцами“ и земли которых русские помещики экспроприировали в свою пользу, закрепощая самих националов. Националы ожесточенно боролись за свои угодья, но вынуждены были покориться силе; во-вторых, конкуренция между самими русскими помещиками, конкуренция из-за большей по количеству и лучшей по качеству земли, приводившая к спорам, тяжбам и насилиям крупных помещиков над мелкими и, следовательно, более слабыми помещиками; это была борьба за феодальную монополию на землю и связанные с землей крестьянские рабочие руки; в третьих, борьба между крестьянами и помещиками, борьба крестьян за освобождение из-под крепостнического гнета помещиков и за лучшие, „мягкие“ земли, захваченные помещиками; это была классовая борьба, порой перераставшая в крестьянские войны, т. е. массовые восстания крестьян. Эта последняя борьба шла непрерывно до конца эпохи феодализма, так как крестьянин, выражаясь словами И. В. Сталина, „не имел возможности обработать целину и заброшенные земли, именно поэтому тянулся он к „мягким землям“, к землям, принадлежавшим помещикам, к землям, удобным для обработки силами крестьянского инвентаря в условиях индивидуального труда“¹⁾.

Первоначальные жители Арзамасского уезда (мордва) были и первыми землевладельцами этого края. Начавшаяся русская „колонизация“ уезда привела мордову и прочих нерусских крестьян в жестокое столкновение с русскими помещиками, которые, выступая единодушно против националов, оспаривали у последних их исконные земли и сбивали их с их насиженных мест. Однако борьба за землю с нерусскими народностями не надолго сплачивала русских помещиков. Как только русские помещики утверждались в той или иной местности уезда, так в их среде начиналась взаимная земельная конкуренция, приводившая их к борьбе друг с другом.

Эта борьба велась всеми способами, какие только были возможны в XVI—XVII вв. Соперники заводили тяжбы друг с другом, пытаясь завладеть спорным участком земли. Они били челом московскому правительству, обвиняя друг друга во владении землей „без дачи“, заявляя о смерти своего живого (!!) соперника, скрывали количество детей действительно умершего соседа, об'являли землю соперника лежащей „в пусте“, находили у соперника земельные „лишки“ и т. д., и просили Поместный приказ отдать показанную землю им, членовитчикам. В эпоху крестьянской войны (1604—1613 гг.) к этим предлогам земель-

¹⁾ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-ое, 1932 г., стр. 450.

ных захватов присоединилось еще обвинение „в измене“ своего соперника перед московским или тушинским правительствами.

На-ряду с этими способами борьбы помещики применяли и целый ряд других, начиная с вручения взяток межевщику или отдельщику поместий и кончая прямым захватом чужой земли, иногда с применением физической силы.

Земли нерусских народностей Арзамасского уезда в первую очередь подвергались захвату со стороны русских землевладельцев.

При этом помещики пользовались неоформленностью границ нерусских, в частности мордовских, владений, а также тем, что националы по большей части не имели документов, подтверждающих их права. Поэтому мордовские крестьяне всегда тщательно скрывали свои земли от глаз завистливых соседей и старались возможно дольше не показывать своих владений, раскиданных по лесам и дубравам, так как по опыту знали, что каждый участок, обнаруженный в их владениях, подвергнется нападению со стороны арзамасских помещиков.

В свою очередь арзамасские землевладельцы — вотчинники, помещики, монастыри и пр. немедленно заводили дело, как только узнавали о скрытых мордовских угодьях. Так, игумен Спасского монастыря Дионисий „з братею“ в 1601 г. бьет челом на морду д. Пастьяново, оспаривая ее право на владение Долгими полянами „что на Собакинском лесу“. Выехавший на место губной староста Ерофей Бахметьев выясняет, что на Долгих полянах, „пашенные земли, лесу и диково поля и дубров на 200 чети в поле, а в дву потому-ж “да еще „сенных покосов... на 300 копен“. По словам мордвинов, этот лакомый кусочек „Долгая поляна“, „дана им на выпуск“ писцами Игнатьем Зубовым „с товарищи“. Однако мордвины никаких документов не предъявили, сославшись на то, „что выпись у них на ту поляну в Арзамасе в судной избе“. В то же время один из присутствующих мордвин Васька Кичамасов хотел указать дозорщикам еще три поляны, находящиеся в их владении, но его товарищи „высказали про иные поляны мордвину Ваське не дали, а его Ваську хотели убить“. Этот небольшой случай показывает, как крепко держались за свои владения мордовские крестьяне и как тщательно они их скрывали¹). Если же приходилось мордве размежевывать свои спорные земли, то они подходили к этому акту чрезвычайно формально, поверхностно и по семейному. В результате земля оставалась неоформленной и открытой для нападений со стороны. Так, несмотря на споры о земле, мордовские вотчинники Каргашин и Бичура Акчурин „з братею и с племянники“ размежевывались в 1585 году при помощи одного „разводчика“ Кулузгана Сычесева, к межевой записи которого мордва „прикладывали.... знамяна свои на стану“, а Кулузган сказал: „столбов деи яз не ставил и граней не бил и ям не копал, потому что деи у нас того в вотчине не ведетца“. Такое отношение к межеванию, в конце концов, оставляло владения неразмежеванными, хотя и существовала межевая книга с подписями понятых „туюшных и окольных людей“. Естественно, что упомянутые мордвины-вотчинники продолжали спор о земле до тех пор, пока в 1602 г. их не размежевал „мордовский недельщик Иван Левонтьев“²).

Подобная неоформленность угодий нерусских народностей уезда и неопределенность их прав на ту или иную землю возбуждали недоразумения и споры о земле среди самой мордовы. Из-за какой-нибудь поляны в 10—20 чети пашни спорили две или несколько окрестных мордовских деревень. Например, о пустоши Келмокужа, лежащей по речке Сучкоеве,

¹⁾ А. П. А., № 154.

²⁾ А. П. А., № 163.

с приписанными к ней полянами Селгофлейпотма, Сяркскужа и др. заводят спор мордовские деревни Кардавиль и Иванцево, причем кардильцы Сычесь Кочаев с товарищи бьют челом государю об отводе этих угодий им, так как „земли деи у них пашенные нет ни одной выти, и государевых (п. т.) податей платить не с чего“, а мордва из Иванцева Чембас Лапин с товарищи по приезде на место городового приказчика Юмшана Лобанова с подьячим Павлом Акинфеевым „учели спор держать, а называли те поляны своими“, хотя документальных данных они не предъявили ни в этот момент, ни в назначенный им срок „после Тройцына дня в первую пятницу“, вследствие чего земля отошла к кардильцам¹⁾.

Пользуясь полным бесправием мордвы, русские помещики в то же время нисколько не стеснялись захватывать силой мордовские земли, если даже последние были вполне оформлены. Например, помещики: новокрещеный литвин пан Ульян Иванон и дети боярские Дмитрий и Григорий Кологривовы, соседи мордовской деревни Иванково-Оржеманово, незаконно захватывают и владеют мордовскими угодьями, „перелесчи через межу, их землю перепахивают насильством, а называют де своею землею“ и тем самым вынуждают мордову дер. Иванково „бить челом государю“ о размежевании угодий их и соседей-помещиков²⁾. Однако, произведенное 29 июня 1595 г. межевание не удовлетворяет помещиков, и Ул. Иванов пускается на диверсию другого рода, заявив в членитной, что якобы „та мордва пашут лишка государевы . . . . / п. т. / . . . земли за своим окладом на 200 чети, а та деи земля 200 чети им не дана“. Помещик рассчитывает, что, обвинив мордову в незаконном владении, он перетянет часть угодий под свою руку. Но этот ход не удался. Правительство приказало отписать лишек земли на государя, оставив мордве их оклад, а выехавший на место 8 октября 1597 г. Неугод Трескин выяснил, что „лишка в той Иванковской деревне за мордовским окладом, что им велено отмерити по писцовыми книгам . . . не осталось ничего“³⁾.

Помещики Любятинские Тимофеи и Меньшой Федоровы поступили еще более решительно, чем пан Ульян и братья Кологривовы. Любятинские не только захватили мордовскую пустошь Отяшь-поле, Мелцановское то-ж, принадлежавшую мордве деревни Великого Врага Кожайке Шептякову с тов-щи, но и уничтожили все межевые знаки. Мордве д. Великий Враг пришлось „бить челом“ на захватчиков, которые „вступаютца . . . в их в старинную землю и на воловой меже грани изsekши, выжгли“ и защищать свои права перед воеводой, предъявляя „с отдельные выписи список слово в слово, отделу городовому приказчика Юмшана Лобанова“. Только после этого Кожайка Шептяков с тов-щи были восстановлены в своих правах, а пустошь снова размежевана 12 января 1613 г.⁴⁾.

Прибегая в борьбе с мордвой к открытому насилию, русские землевладельцы не чуждались и иных способов борьбы, перебивая иногда у мордвы оброчные угодья. Здесь русские вступали в конкуренцию, пользуясь тем, что они обладали большими денежными средствами, чем мордва. Особенно успешно на этом поприще подвизались монастыри, имевшие запасы свободных средств.

¹⁾ А. П. А., № 140, буквы в скобках (п. т.) означают полный титул царя, выпущенный в издании актов.

²⁾ Там же, № 98.

³⁾ А. П. А., № 123.

⁴⁾ А. П. А., № 362, см. также № 139. „Список слово в слово“ — копия с подлинного документа.

Так, архимандрит „Пречистые богородицы Печерского монастыря“ Онуфрий „з братьею“ постоянно конкурирует с мордвой дер. Кемары Тюрей Парушевым с тов.-щи и мордвой с. Вад Сюлдой Олетиным с тов.-щи из-за водных угодий на реке Пьяне, с впадающими в нее речками и прилегающими к ней озерами Затворное, Мелкое и др., которые являлись государственной оброчной статьей „с перевеси и со всеми угодьи и с лебедиными ловли, да на реке на Пьяне поляна на пристанище и на рыбную снасть, где неводы развешивают, и лошадям на корм на 50 копен сена“.

Все эти угодья переходили из рук в руки и в 1588 г. находились на оброке у мордовы „на 7 рублей“, но уже 2 августа того же года перешли в руки архимандрита Онуфрия с братией, которые „наддают оброку сверх того, что было кемарской и вадцкой мордве платити, 2 рубля, а учнут платити по 9 рублей“. Путем подобных „наддач“ более мощные денежно монастыри боролись за землю с мордвой там, где нельзя было применить иных методов¹⁾.

Но мордвины, защищая свои исконные земли, иногда сами пытались перейти в наступление и завладеть спорной землей, и тогда русским помещикам, в свою очередь, приходилось обращаться к власти за помощью. Так, помещики Иван Нармацкий и Федор Арбузов искали „на всей пищасовской мордве“ в 1606 году свою „государева деи жалованья отцов их“ пустошь Румянцевскую, которой „владеют те пищасовская мордва, пашню пашут и сена косят самовольством, а та деи пустошь от их же мордовские войны лежала в пусте и по ся места“. Ответчики, однако, доказывали, „что оне у Ивана Нармацкого да у Федора Арбузова Румянцевскою пустошью не владеют, пашни не пашут и сена не косят, а владеют своею землею“. Тем не менее арзамасский воевода Доможиров приказал городовому прикащику Юмшану Лобанову, выяснив все дело на месте, „тое пищасовскую мордву . . . . дати на поруку з записью, а за порукою поставить их в Арзамасе перед Борисом Ивановичем Доможировым с собою вместе“²⁾. Чем кончилось дело — неизвестно, но оно показательно, как попытка мордовы силой отстоять свои земельные угодья. Правда, эта попытка была сделана уже в эпоху всеобщего крестьянского восстания в Московском государстве, когда власть помещиков ослабла, но все же она характерна для всей эпохи.

Подобной же более ранней попыткой является захват мордвой дер. Комодеево выморочной пустоши Тихона Чеглокова, которая была во владении Никиты Любятинского, а после его смерти должна была отойти к Ивану Лобанову. Последний жаловался, что „та мордва деревни Комодеевы тою Тихоновскою землею владеют и по ся места безмежно, а ему пашни пахати и сена косити не дадут“. Выехавший на место межевщик Михаил Лазарев выяснил, что мордва „тое землю называют своею старинною, а дана деи им та земля на выпуск. А выписи на ту землю... не показали“. Понятые же „сторонние люди“ сказали, „что то спорное место словет Тихоновская пустошь, а владеют тем местом комодеевские мордва“. В результате М. Лазарев 15 ноября 1596 г. отписал на государя спорную землю вместе с посеянным на ней хлебом „на 2 чети ржи“³⁾.

В большинстве случаев в борьбе за землю мордовские крестьяне проигрывали и лишались своих угодий. Несколько в лучшем положении находилась служилая мордва, которая получала определенную дачу из

¹⁾ А. П. А., № 43.

²⁾ Там же, № 207.

³⁾ А. П. А., № 110.

порожних или поместных земель и юридически становилась равноправной русским помещикам. Однако и в этом случае им доставались лишь худшие участки, забракованные почему-либо русскими помещиками. По большей части это были земли на водоразделах рек, далеко отстоявшие от воды, которая была так необходима и для людей, а особенно для скота. В этом случае служилым мордвинам приходилось искать водопоя вне своих владений, что иногда вызывало новые споры среди землевладельцев. Например, в 1604 г. служилый мордвин Арзап Сеуштанов с тов.-щи отыскали себе пустошь дикое поле „за рекою за Пьяною на Кадарше“ и били о ней челом. Известный нам Ю. Лобанов, приехав на место „тое пустошь из государева... (п. т.) оброку и службы на усад, и на пашню, и на сенные покосы, и на животинный выпуск служилой мордве по разпросу Орзапке Сеуштанову с товарищи, отвел..“, но оказалось, что на этой пустоши „воденого угодья нет—враги ¹⁾ суходолы“. Пришлось отводить водопой в другом месте „на порожней земле за речкою за Кодаршею, по угору по троснику вода ключевая за межою, и им тут про свою нужу (нужду. А. Э.) вода имати и живот ²⁾ поити, для того что их пустошь безводна — враги суходолы, а речка Кадарш против мордовские пустоши поникла в землю — суходол же“ ³⁾.

В мордовские земли „вступались“ и ими „насилиством“ овладевали не только русские помещики, но и служилые татары. Что касается последних, то они юридически были вполне равноправными с русскими помещиками, особенно если они являлись „крещеными“. В своей национальной политике московское правительство всецело проводило принцип „разделяй и властвуй“, подавляя одних и покровительствуя другим. Но фактически самое верстание татар на службу и условия ее прохождения отличались от условий службы русских служилых людей и ухудшали их правовое и материальное положение. Одним из этих отличий являлся обычай верстать татар поместьями не по одному или по два на одно место, как русских, а сажать татар целыми отрядами в одном поместье или одном районе, отдавая им землю в общее владение.

Как только служилые татары испомещались на тех или иных участках земли, так тотчас же они подпадали под влияние аграрных условий того времени, втягивались в борьбу за землю и становились ее активными участниками. При этом татары конкурировали не только с мордвою, но и друг с другом и с русскими помещиками. Например, служилые татары дер. Новый Усад Миняк Бекбулатов с товарищи в 1597 г. принуждены защищать свои владения от своих же татар Семакая Кутлеярова с тов.-щи, которые „в те их поместья и во всякие угодья вступаютца насилиством... и им от тех татар вперед без размежеванья пройти не мочно“ ⁴⁾.

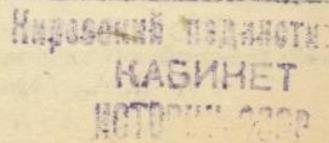
Русские помещики также нередко проникали в татарские владения и, пользуясь своим национальным господством, пытались овладеть их угодьями. В этом смысле интересно дело о дер. Салтаганово, Ичаловского стана. Эта деревня была вотчиной татар Мустофиных, владелец которой Салтаган Мустофин умер около 1575 г., оставив после себя двух сыновей Айдеса и Терегула. Эти последние владели вотчиной пополам, поделив ее между собой. Приблизительно в 1580 году Терегул также умер, не оставив детей. Тотчас же его „жеребий“ передают русскому помещику Михаилу Кологривову, выделив из него „прожиток“ жене Терегула Марье Новокрещеновой.

¹⁾ Враг—овра.

²⁾ Живот или животина — животные скот.

³⁾ А. П. А., № 184.

⁴⁾ А. П. А. № 115.

После смерти последней ее прожиточный жеребий достался сыну боярскому Федору Тоузакову¹). Через некоторое время, в 1594 г., Ф. Тоузаков заговорил о разделе поместий, который и был разрешен правительством. Однако во время раздела арзамасские „отдельщики“, „стакався с Федором“, отделили Тоузакову „по конец ево (Айдеса А. Э.) поля, выбрав лутчую землю, а не к усаду, и крестьянина де у него, у Айдеса, Демку Лукина з женою и з детьми и со всеми животы вывез за себя насильством“. После этого А. Мустофину пришлось „бить челом государю“ о новом переделе владений, так как „ему де, Айдесу, от Федорова насилиства без разделу и безмежно прожити не мочно“²).

Таким образом различными способами русские помещики внедрились в Арзамасский край, захватывая исконные земли мордвы и татар и вытесняя их из насиженных гнезд. Все эти факты, а также ряд других подобных же фактов, имеющихся в источниках, целиком опровергают теорию „мирной колонизации“ русским народом территорий, принадлежавших национальным меньшинствам.

Эта теория, защищавшаяся буржуазной историографией, не имеет ничего общего с историческими фактами. На самом деле никакой „мирной“ колонизации и ассимиляции не было, русские феодалы помещики и торговая буржуазия всегда и везде применяли все те методы насилиственного захвата земли и экспроприации туземцев, которые характерны для эпохи феодализма, особенно в период т. н. первоначального накопления. Теория „мирной колонизации“ понадобилась дворянским и буржуазным историкам для того, чтобы оправдать и замаскировать захват и грабеж колоний, доказать свое „право“ на беззастенчивую эксплуатацию националов.

Захватив в свои руки мордовские земли, русские арзамасские помещики не могли мирно распределить ее внутри своего класса. Сказывались различия в экономическом и правовом положении отдельных групп помещиков и между ними разгоралась острая борьба за землю — это основное условие феодального способа производства. За недостатком места не представляется возможным подробно описывать все перипетии этой борьбы и поэтому в дальнейшем мы ограничимся лишь наиболее яркими примерами ее.

Картинами, наиболее ярко иллюстрирующими борьбу, разыгравшуюся в Арзамасском уезде за обладание землей и крестьянами, являются — дело братьев Киреевых и дело Семена Родивонова, в которых принял участие весь помещичий Арзамас.

Эти дела интересны как по тому упорству, с которым боролись за поместья обе враждующие стороны, так и по тем способам борьбы, к которым они прибегали, начиная от доносов друг на друга, содержащих обвинения в измене и кончая открытым сопротивлением власти.

Дело братьев Киреевых разыгралось в 1612—13 гг. Свияжский жилец Федор Андреевич Киреев еще при Грозном, в начале 80-х годов XVI столетия, был испомещен в Арзамасском уезде, в Тешском стане, в дер. Лукояново, а также впоследствии владел и другими дачами, между прочим, дер. Елизарьево, в Кадомском уезде, пожалованной ему в вотчину.

Семья у Ф. Киреева была большая и состояла из его жены Евдокии и сыновей: Василия, Федора, Ивана, Семена, Никифора и Никиты. В „смутные“ годы Федор Андреевич перешел на сторону ц. Дмитрия, служил в Тушине и дослужился до чина окольничего. Этим обстоятель-

¹) Судя по фамилии, Ф. Тоузаков по национальности был тоже татарин, но уже обрусевший и числившийся в составе русского дворянства.

²) А. П. А., №№ 442 и 456.

ством воспользовался некий Федор Васильевич Левашев, донес на Ф. Киреева царю Василию и получил от него грамоту на дер. Лукоянову, которая и была отделена Ф. Левашеву 25 сентября 1608 г. На следующий год, однако, Арзамас перешел в руки тушинцев и в конце 1609 года воеводой в Арзамасе стал окольничий Ф. А. Киреев, который, очевидно, отнял Лукояново у Левашева. В это время Ф. Левашев повел себя, как типичнейший „перелет“. Он тотчас же „целовал крест Вору“ ¹⁾ и отправился сражаться с войсками Шуйского, „собрався с воры, под Нижней не единожды приходил, и заставы побивал и Нижегоро(дский) и Стародубский уезд с воры воевал“. Но во время своего похода на Нижний Ф. В. Левашев был разбит Андреем Алябьевым и Богданом Износиковым. Тогда Левашев, „видя, что ево воровство не по ево хотению совершилось, прибежал в Нижний“, где перешел на сторону Шуйского, и был послан с Андреем Микульским во Владимир. В это время, в 1610 г., воевода Шуйского князь В. Ф. Мосальский выбил тушинцев из Арзамаса, причем, вероятно, во время боя окольничий Ф. А. Киреев был убит. Узнав об этом, Ф. Левашев поспешил заявить свои права на деревню Лукоянову и просил ц. Василия пожаловать ему эту „деревню в вотчину“. При этом Левашев, разумеется, указал, что „Федор Киреев с детьми были въызмене и служили Тушинскому вору, который назывался царем Дмитрием“, а что вот он, Федор Левашев, напротив, служил ц. Василию и даже „очистил Володимерь от литовских людей“. Ходатайство Левашева было удовлетворено, и он получил д. Лукояново в вотчину. Но на этот раз завладеть деревней Левашеву не удалось, так как дети Ф. Киреева Василий, Федор и Иван ее ему не отдали.

Левашев после этого все-таки продолжал считать деревню своей вотчиной и, улучив момент, был челом в 1612 году правительству Минина и Пожарского, указывая, что Киреевы „ево вотчиною завладели насилиством, не по даче. И бояря велели тое вотчину отказати ему Федору в вотчину по даче царя Василья“, выдав грамоту в сентябре 1612 г. Тем временем Киреевы владели поместьем, успев своевременно в 1611 году закрепить его за собою, причем д. Лукояново была отдана „под Москвою“ вдове Евдокии Киреевой с тремя младшими сыновьями. Троих же старших не испоместили, а „покаместа они где испоместятца, велено с того поместья кормить“. Грамоты же на это поместье Киреевых находились „в Арзамасе у воевод“.

Поэтому, когда в октябре 1612 г. с. б. Владимир Сычев ²⁾ приехал в Лукояново по наказу воеводы князя Львова от 13 октября во исполнение грамоты правительства с тем, чтобы передать деревню Ф. Левашеву, „вышел из двора своего Микифор Федоров сына Киреева з братом своим с меньшим и с лудми и учал говорити“ и в результате „отказные памяти не послушал и деревни Лукояновы отказать не дал“. Но Киреевы знали, что одним лишь сопротивлением поместья им не отстоять и поэтому еще до случая с В. Сычевым подали челобитную правительству с указанием, что Лукояново с 1611 года принадлежит младшим братьям, „а вору-де они креста не целовали (т. е. не присягали, А. Э.) и ему не служивали“ и что Ф. Левашев был членом „ложно, а сказал, что будто то поместье большой брати... а то де поместье дано меньшой их брати... да матери их Овдотье...“ Грамотой от 2 октября, полученной в Арзамасе 17-го, правительство приказало не отнимать

¹⁾ „Вором“ официальные памятники называли вожди крестьянского восстания, принявшего имя царя Дмитрия. Вор вообще в XVI XVII вв. — политический противоправительственный деятель..

²⁾ С. б. — сокращенно — сын боярский, т. е. мелкий помещик, рядовой феодального войска.

поместья у бр. Киреевых, и воевода дал наказ от 22 октября Ю. Лобанову выехать в дер. Лукоянову и расследовать это дело.

Тем не менее, Ф. Левашев не унимался и продолжал настаивать на том, чтобы деревня была передана ему. Поместный приказ¹⁾ выдал новую грамоту, по которой поместье опять закреплялось за Левашевым. Тогда в это дело вмешался весь дворянский Арзамас, который к этому времени был крайне обеспокоен царствовавшими в земельных делах беспорядками, боялся за свои поместья и, воспользовавшись делом Киреевых, двинулся к воеводе князю И. М. Львову „всем городом“ и подал ему челобитную „за своими руками“. В этой челобитной „арзамасцы, дворяне и дети боярские, и князи, и мурзы, и татары, и мордва, всякие служилые и жилецкие люди, всем городом“ требовали, чтобы „по приговору бояр и всей земли поместий их и вотчин без сыскы и без вины не отымати ни у ково и в роздачи не раздавати...“, так как такая политика правительства приводит к тому, что „меж их чинится в старых их поместьях брань и смута великая“. В той же челобитной служилые люди Арзамаса свидетельствовали правоту дела бр. Киреевых и добавляли, что „у посадских дей людей грамота есть же, что велено Микифоровых и Микитиних людей и крестьян от Федора Левашева от насилиства и от обид и от ложново челобитья беречи“.

Одновременно с этим выступлением арзамасских служилых людей известный нам городовой приказчик Юмшан Лобанов расследовал дело братьев Киреевых и по этому „обыску арзамасцы посадские люди²⁾ сказали, что Семен да Микифор да Микита с матерью в смутные годы были в Свияжском...“ и „възмени не бывали...“. В то же время Киреевы подали в Москву новую челобитную, в которой снова рассказывали свое дело и выясняли судьбу своего отца, который, по их словам, „был послан от царя Бориса на Тerek, а с Терка отца их занесло морем в Юргенъ да в Караганъ и ис полону дей (т. е. из плена. А. Э.) отец их вышел в Асторахань, а из Асторахани де послали отца их в Стародуб“.

После всего этого, когда все челобитные, обыски, донесения арзамасских властей о выступлении арзамасцев и пр. сосредоточились в Москве, правительство, наконец, окончательно реабилитировало бр. Киреевых, а дер. Лукоянову „велели отказати и очистити Микифору да Миките Киреевым с матерью... попрежнему в поместье со всеми угодьи“ грамотой от 5 февраля 1613 года. Несмотря на это, Ф. Левашев не отказывался от своих прав на вотчину, которую он получил „за Владимирское очищенье“, и Киреевым пришлось идти с ним на полюбовную сделку, в результате которой Ф. Левашев д. Лукоянову бр. Киреевым „здал, а взял... у них здачи 150 рублей“ (около 3500 руб. на современные деньги).

Таким образом Киреевы после длинного ряда мытарств добились своего, хотя и с большими издержками, фактически купив свое поместье у противника.

В то время, когда Ф. Левашев пытался отбить у младших Киреевых их дер. Лукоянову, другой помещик, стряпчий Никита Харитонович Мотовилов, решил воспользоваться случаем и овладеть вотчиной Киреевых дер. Елизарьево, принадлежавшей старшим Киреевым: Василю, Федору и Ивану. Н. Мотовилов был челом правительству 2-го ополчения (Минину и Пожарскому), прося отдать вотчину ему и обвиняя Киреевых в измене. В это время Василий Киреев был „на земской службе“

¹⁾ Поместный приказ — центральный орган, ведавший раздачей поместий и вотчин, своего рода министерство по земельным делам помещиков.

²⁾ Посадские люди — жители города, ремесленники и торговцы, жившие на посаде, т. е. в улицах, расположенных вне крепости.

в Казани", Иван был „на земской службе убит против Ивашка Зарудько под Тынорским Острожком". В 1612 г. правительство пожаловало д. Елизарьеву „без сыску" Н. Мотовилову в поместье, и Ю. Лобанов поехал с людьми Мотовилова в это поместье передавать его последнему.

Узнав об этом, бр. Киреевы решили спасти свою вотчину и дать организованный и вооруженный отпор своим противникам. Поэтому, когда Ю. Лобанов приехал в деревню, к нему навстречу выехали „Иван Степанов сын Козодавлев, да Микифор Федоров сын Киреев, да Иван Любовников со многими своими людьми и со крестьянами нарядным делом встречно, в саадаках с саблями и с пищальми, и учинились сильны". Произошел настоящий бой помещиков с откащиками, во время которого Киреевы Ю. Лобанова „лаяли и бесчестили"... поместья... „ему отказывать не дали, и ис того помесья выбили вон", бывших с Лобановым людей Мотовилова избили, а одного из них „из лука застрелили по ноге...".

Ю. Лобанову после этого пришлось уехать обратно, не совершив отдела поместья, о чем он и донес правительству 19 ноября 1612 года. Тогда правительство распорядилось послать на место „дворянина добра да с ним стрельцов" подавить сопротивление Киреевых, отобрать у них вотчину и передать ее Н. Мотовилову, а „непослушников Ваську Киреева з братьею переимати и привести к себе в Орзemas, да за их воровство, что они наших грамот не слушают... посадити в тюрьму на неделю, а людей пущих воров, на коих скажут... бити батоги нещадно". Но в это время как раз произошло вышеописанное выступление арзамасцев, которые в своей членитной, между прочим, указывали на незаконность лишения Киреевых их вотчины. После этого правительство „обелило" Киреевых, передало им дер. Лукоянову и, повидимому, возвратило вотчину дер. Елизарьево.

В связи с делом бр. Киреевых, стоит дело Семена Родивонова, который владел поместьем в селе Пичемерь. В 1613 году Родивонов был членом ц. Михаилу и просил его пожаловать ему поместье в вотчину за то, что он в Н.-Новгороде „от воров в осаде 2 годы сид(ел) и на многих боях бывался и языки имал"¹⁾, а также и за то, что он „и(на) Москве... в осаде сидел". Правительство удовлетворило членитие С. Родивонова и дало ему „жалованную вотчинную грамоту".

Узнав об этом, тот же Федор Васильевич Левашев, который незадолго перед тем боролся с Киреевым за дер. Лукоянову, вместе с Григорием Герасимовым Мартемьяновым были членом ц. Михаилу о передаче им поместья С. Родивонова, так как последний „был членом ложно", а на самом деле он де изменник-тушинец. При этом членитчики сообщали, что Семен Родивонов, „преступя крестное целование царя Василья, изменил — побежал из Свияского от боярина... от Федора Ивановича Шереметева, подговоря с собою многих дворян и детей боярских, к Тушинскому вору и, бежучи, многие города смутил и, приехав в Тушину к вору, сказал ему про боярина... про Федора Ивановича Шереметева, что бутто ево ратные люди хотят убить, а пороховую казну зжечь, а сами дей ратные люди и понизовые города все хотят вору добить членом".

Правительство ц. Михаила сопоставило это извещение Ф. Левашева и Г. Мартемьянова с сообщением Ф. И. Шереметьева, изложенном в его „памяти"²⁾. Там же все это дело излагалось так: Шереметьеву „по указу царя Василья велено ему ити ис Казани к Москве, собрався с казанскими людьми и с теми, которые пришли с ним... в Ка(зань) с Низу и которые были в Казани з боярином со князем Иваном Василь-

¹⁾ Языки имал — брал в плен неприятельских воинов, с которых снимали допрос о расположении и действиях противника.

²⁾ Память — официальный отчет правительенного агента.

евичем Голицыным. И боярин... Шереметев... пошел ис Казани декабря в 5 день, (и де)кабря-ж во 12 день... побежали от него из Св(ияж)ского к вором под Чебоксары арзамасцы Семен Родивонов с товарыши... прибежав от него... к Чебоксарам к городу и к острогу... говорили им („воровским“ полкам. А. Э.) многие смутные... (речи. А. Э.) и угрожали, а сказывали им, что помочи и(м) не будет, служилые деи казанские и понизовых городов всякие люди из Свияжского к царю Василью или з боярином... Шереметевым не хотят и пороховую казну хотят зжечь, а его боярина... хотят убить (или) к вору в Тушино отвестъ“. Под Чебоксарами же в это время находились „воры, многие русские люди и черемиса“ (марийцы. А. Э.) во главе с курмышанином Иваном Глядковым и арзамасцем Петром Полочаниновым, которые осаждали город.

Разузнав все это, правительство приказало отнять у Родивонова дер. Пичемерь и отдать ее челобитчикам Ф. В. Левашеву и Г. Г. Мартемьянову грамотой 12 июля 1615 г. Тем временем С. Родивонов сам подал в Москву челобитную, прося его поместье „из роздачи“ взять и возвратить ему. В этой челобитной он давал объяснение своего поведения на службе у Федора Ивановича Шереметьева и выяснял, что когда все арзамасцы поехали из Свияжска в Арзамас, он также „с'ехал с ними ж, хотя (т.-е. желая. А. Э.) мать свою и жену и (де)тей своих вывестъ в те города, которые служили царю Василью“. Из Арзамаса же в Тушино он попал „неволею“, а оттуда „дождався поры“, „ушел к Москве“, сидел там и в Нижнем-Новгороде в осаде, а как „под Нижним воров побили, и ево де (Семена к царю) Василью послали с сеунчем“¹). После же этого он служил у князя Василья Мосальского, „а в воровстве нигде после того не бывал“.

В этой же челобитной С. Родивонов изобличал Ф. Левашева, вскрывая его прошлое, когда он был „перелетом“, и рассказывая про сына Левашева Ивана, который „все... в воровстве, по та места, как Ивашко Зарудкой был не пойман, а после деи тово (сын) ево Иван об'явился у нево у Федора“, т. е. обвиняя Ф. Левашева в укрывательстве и измене.

После этого правительство отменило свое прежнее решение и грамотой от 7 августа 1615 г. возвратило поместье Семену Родивонову²).

Из этих дел видно, что борьба за поместья в т. н. „смутное время“ чрезвычайно обострилась. Для помещиков открылся новый способ приобретения земельных дач, заключавшийся в присвоении тем или иным путем поместий, подлежащих конфискации в силу измены их владельца правительству, власть которого в этот момент утверждалась в Арзамасе. Помещики зорко следили за политической позицией друг друга, и достаточно было кому-нибудь из них оказаться в лагере, противоположном победившему в данное время в Арзамасе, как тотчас же на его поместье подавали заявки и оно переходило к опередившему всех арзамасцу, потому что „то поместье сыпалось по его челобитью“.

Описанные дела бр. Киреевых и Родивонова являются особенно интересными, потому что здесь перед нами развертывается картина борьбы двух групп феодалов, столкнувшихся между собой в эпоху т. н. „Смуты“.

Киреевы, несомненно, принадлежали к „верхам“ тушинского лагеря, т. е. к той группе средних и мелких помещиков, которая стремилась использовать в своих интересах крестьянскую революцию начала XVII в. и на плечах крестьянского восстания прийти к экономическому и политическому господству в стране. К этой же группе принадлежал и Роди-

¹) Т. е. с вестью о победе.

²) О деле бр. Киреевых и деле С. Родивонова см. А. П. А. № 34, № 233, № 318—320, 336, 344, № 365, № 394 и 395.

вонов, который выступает как организатор восстания против купеческо-боярского царя Шуйского.

Что же касается Левашева, то он принадлежал к противоположному лагерю, служа интересам старобоярской аристократии. Борьба этих группировок (тушинцев и сторонников ц. Василия) в общемосковском масштабе отразилась в упорной борьбе помещиков арзамасцев. Любопытно, что арзамасские дворяне, в большинстве своем мелкопоместные, целиком стояли на стороне "тушинцев" Киреевых и Родивонова, видя в них представителей своих интересов, и дали отпор притязаниям своих соперников из числа феодальной аристократии. Борьба между крупным и мелким землевладением была на рубеже XVI—XVII вв. основным стрежнем борьбы за землю. Мелкопоместные арзамасцы всеми силами боролись за монополию на тешский и пьянский чернозем, стараясь перехватить его из рук надвигающейся московской знати.

Ограничившись за недостатком места вышеприведенными примечаниями, перейдем к характеристике борьбы помещиков за рабочие руки.

III. Борьба за рабочие руки

Одна земля, которую помещик получал в свою дачу, не давала ему, как феодалу, никакого дохода. Для эксплоатации этой земли необходимы рабочие руки. Поэтому арзамасцы, оспаривая друг у друга куски поместий, еще с большим ажиотажем спорили за крестьянские дворы, за крестьянские "души", которые обеспечивали производство всех благ на поместной земле. Эта борьба за рабочие руки не в такой степени ярко отражается на страницах арзамасских актов, как борьба за землю, но все же некоторые отдельные штрихи ее с достаточной выпускостью вырисовываются из разнообразных дел поместного делопроизводства по Арзамасу.

Состав арзамасского крестьянства не является однородным ни в экономическом, ни в социальном отношениях. На ряду с крестьянами, в собственном смысле этого слова, тянувшими тягло и занимавшимися сельским хозяйством и промыслами, в Арзамасском уезде XVI—XVII вв., как мы видели выше, в большем количестве имелись "беспашенные" бобыли и казаки, жившие в деревнях вместе с крестьянами, но не имевшие земли.

Присутствие в среде арзамасского крестьянства казаков очень показательно, так как это лишний раз подчеркивает окраинный характер уезда, близ границ которого находилась степь—"дикое поле", служившая убежищем для обездоленных крестьян и превращавшая их из крепостных крестьян в свободных казаков. Повидимому, Арзамасский уезд в XVI—XVII вв. служил плацдармом, через который взад и вперед проходили крестьянские семьи, пробираясь в степь к казакам, или пытаясь проникнуть обратно внутрь Московии. Все они считали себя казаками и некоторые из них на тот или иной срок оседали в Арзамасском уезде.

По своему экономическому положению арзамасские крестьяне также отличались друг от друга. Большинство из них имело свой двор и некоторое количество тяглой земли, но встречались крестьяне и без дворов, жившие во дворе другого крестьянина в качестве батраков—"захребетников". Все крестьяне, как тяглое население, платили подать в зависимости от занимаемой ими земли, вследствие чего крестьянские дворы в податном отношении также различны. Наиболее типичными, чаще всего встречающимися в Арзамасском уезде дворами, являются "полувытные", "четверушки" ("четыре выти"), дворы в "треть выти", "полтрети выти",

пол-пол-трети „выти“, не менее часто встречаются „получетверушные“ или „осьмухи“, дворы в „пол-пол-пол трети выти“, в „выть-земли“ и т. д.

Таким образом, в Арзамасском уезде податной единицей была „выть“, как и во многих уездах Московского государства, и мощность крестьянских дворов измерялась долями выти.

Некоторые крестьяне не ограничивались обработкой только своей земли, а дополнительно арендовали землю, пахотную и сенокосную у государства или помещиков. Указание на подобную аренду мы находим, например, в деревне Исупове, в Подлесном стане, где в 1592 году часть поместья Тихона Чеглокова в количестве 25 десятин в одном поле, после смерти помещика была отдана „внаймы“ соседним крестьянам Ивана Хохлова Микитке Андрееву с товарищи¹⁾.

Подобное же указание находим в дер. Новом усаде, близ которой находилась „пустошь беспоместная земли“, принадлежавшая раньше Федору и Никите Старосельским. В 1586 году эта пустошь была отдана на оброк „стексевским крестьянам Сеньке Вахромееву з товарищи“ в количестве 150 чети в поле, а в дву потому-ж²⁾.

Точно также крестьяне дер. Туманово брали на оброк соседнюю выморочную пустошь Фустова Старое Пичемерь, Замятнино то-ж, которую и обрабатывали до времени отдачи этой пустоши в поместье Нетесовым³⁾.

Из приведенных примеров видно, что аренда земли (взятие на оброк) была коллективной, крестьяне брали землю „внаймы“ или всей деревней или частью ее, во всяком случае значительным количеством дворов. Однако случалось, что крестьяне арендовали землю и индивидуально. Например, крестьянин дер. Нового усада Офона Порошин засяял в 1596 году „десятины с 3 яри“ в дер. Ивановской на реке Авше „наймуючи землю у помещика у Баимка у Чюпрунова“⁴⁾.

Обрабатывая свою или арендную землю, арзамасские крестьяне кроме того занимались ремеслами и тем самым увеличивали массу прибавочного продукта, уходившего от них в карманы помещиков.

Среди крестьян-ремесленников наиболее часто встречались кузнецы, плотники, токари, серебренники, овчинники, седельники, сапожные мастера, шорники, горшечники, полстоловы, мельники и др. ремесленники, а иногда попадались более редкие, но очень выразительные профессии: скоморохи⁵⁾, кошкодавы⁶⁾, харчевники, пивовары⁷⁾ и т. п.

Это наличие ремесленников среди крестьян, а также большое количество ремесленников в самом Арзамасском посаде, где в 1646 г. числилось 174 двора, населенных ремесленниками с числом ремесленников 364 человека, очень показательно, ибо оно указывает на развитие промыслов в Арзамасском уезде еще в XVI—XVII вв. и проливает свет на происхождение капиталистической мануфактуры на дому, выросшей впоследствии на почве ремесла путем внедрения скопщика в сферу ремесленного производства. Как показал В. И. Ленин, в Арзамасском уезде эта домашняя система капиталистической промышленности развила особенно пышно в сапожном и скорняжном промыслах, существовавших около 200 лет⁸⁾. Данные переписной книги 1646 г. подтверждают давность происхождения этих промыслов, ибо уже тогда сапожников и ко-

¹⁾ А. П. А., № 65.

²⁾ Там же, № 24.

³⁾ Там же, № 409/19.

⁴⁾ Там же, № 102.

⁵⁾ А. П. А., № 202.

⁶⁾ Там же № 397.

⁷⁾ Там же № 200.

⁸⁾ Ленин, соч. т. III, стр. 315 (издание 3-е).

жевников в Арзамасе насчитывалось 61 чел. или 17% всех ремесленников, а скорняков было 15 чел. или 4%.

Кроме них в Арзамасе работали ремесленники: металлисты (кузнецы, серебренники, оловенники, бронники, оружейники и т. п.) в количестве 44 чел. (12%), пищевики (колачники, прянишники, хлебники и т. д.) в количестве 79 чел. (21,7%), деревообделочники (тележники, бочки, колесники, ложкари, щепетильники и т. п.) в количестве 32 чел. (8,7%), швейники (портные, шубники, шапошники и пр.) в количестве 57 чел. (15,6%) и ряд других ремесленников, вроде плотников (4 чел.), горшечников (7 чел.), иконников (15 чел.) и т. д.

Плодородие тешских и пьянских черноземных угодий, поемых лугов и суглинков в соединении с прибылью, получаемой от ремесла или маленького предприятия, давали небольшому количеству крестьян возможность поднять свое благосостояние на довольно обеспеченную ступень. Вследствие этого среди арзамасских крестьян изредка встречались такие, которые не только не нуждались в самом необходимом, но имели возможность тратить свои средства на „общественные“ цели, например, на украшение храмов. Так, например, в селе Каргалей (Варгалей), Паново то-ж „на колокольнице-ж 2 колокола малых—приклад плакидинского крестьянина Панова Смоли Родивонова до сына его Милована“, в то время как другие колокола — большой и средний — пожертвованы помещиками отцом и сыном Пановыми. В этом примере мы видим, что крестьянин достиг уже такой степени зажиточности, что тяготится за помещиком в дарах на церковь, стремясь завоевать симпатии духовенства и общественного мнения.

Этот пример, а также ряд других показывает, что с внедрением денежного хозяйства крестьянская масса начинает дифференцироваться, выделяя из своей среды зажиточную верхушку, будущее кулачество, и что эта верхушка уже в то время на рубеже XVI—XVII вв. стремилась отграничиться от основной массы крестьянства и опереться на помещиков и попов.

Но подобного рода зажиточные крестьяне были в XVI—XVII вв. редким исключением среди массы арзамасского крестьянства. Большинство крестьян по своему материальному положению находилось, судя по всему, на грани нищеты.

Однако, крестьяне русские и националы недолго пользовались своей землей, занятой ими на правах первой заемки. Как только они обзаводились хозяйством и тем самым становились лакомым кусочком для феодалов, эти последние, в лице помещиков, при содействии государства захватывали себе населенную крестьянами землю и закабаляли крестьянский труд, облагая крестьян оброками и прочими феодальными повинностями.

Обычно это происходило таким образом: помещик, выискал для себя населенную крестьянами землю, ходатайствовал в Москве об отделе ее ему и получал соответствующий документ, в котором крестьянам предписывалось помещика „слушати во всем, пашню на нево пахати и доход помещиков платить, чем он изоброчит“. Эта формула, часто встречающаяся в А. П. актах при отделе крестьянских дворов тому или иному помещику, указывает, что крестьяне Арзамасского уезда должны были повиноваться своему помещику, платить ему оброк и выполнять барщинные работы и повинности, т. е. попадали в полную феодально-крепостническую зависимость. С другой стороны, эта формула открывала широкие возможности для эксплуатации крестьян, так как все указанные повинности являлись в высшей степени неопределенными: „слушати во всем“,

т. е. выполнять всякое приказание помещика, или „платить, чем он изобличит“ и в этом случае помещику предоставлялся полный простор.

В нашем распоряжении нет данных судить о точных размерах крестьянских оброков и прочих натуральных и денежных повинностей, так что этот весьма интересный вопрос приходится оставлять пока без освещения. Тем не менее можно догадываться, что в Арзамасском уезде помещики эксплуатировали крестьян не меньше, чем в других уездах Московского государства.

Так, в некоторых актах есть заметки о том, что „крестьяне выбегали от тягла и от государственных податей“. Точно также есть заметки относительно крестьян, которые „платят всякие государственные подати и делают городовую и острожную поделки“, т. е. опять-таки несут тяжелые на этот раз государственные повинности. Иногда арзамасские крестьяне садились на землю, уже захваченную каким-нибудь помещиком, или переселялись из одного поместья в другое. В этом случае они обычно пользовались „льготой“, по которой на известный срок освобождались от всех податей и повинностей. Этими льготами помещики, как известно, закабаляли крестьян, закрепляя их за собой. Примером подобной льготы крестьянам является положение крестьян Ерофея Бахметева в пустоши Неверовской на реке Пше, где Е. Бахметев „учинил новый усад“, в котором „посажал старинных своих крестьян из своих поместий, из сельца Силина да с Озерок, тому третий год“. За эти три года крестьяне поставили двор помещику и семь дворов для себя, распахали „мякотные земли 10 чети в поле, а в дву потому-ж“ и косили сено на всей пустоши по залогам, порослям и дубровам, выкашивая до 50 четв. земли и накашивая сена „на 400 копен“. Все эти три года крестьяне работали на себя, если не считать постройку двора помещику, а „помещиков Ярофеевы пашни нет, и десетин те крестьяне на Ярофея на пахали, потому что живут на льготе и ставятца novo“¹⁾.

После того, как крестьяне в каком-нибудь поместье „поставятца novo“, помещики начинают эксплуатировать их, облагая оброками и повинностями. Эта эксплуатация вынуждала крестьян уходить от помещиков, и жизнь их на его земле не была очень продолжительной. Для Арзамасского уезда XVI и начала XVII вв. как раз является характерным постоянный переход крестьян с одного места на другое. Особенно сильны эти переходы крестьян были в Залесном стане, на местах новой „колонизации“ земель, принадлежавших нерусским народностям. Вследствие этого в Арзамасском уезде почти в каждой деревне можно встретить (при перечислении в акте крестьянских дворов) „новоприходцев“ или просто „приходцев“, которые живут здесь наравне со „старожильцами“. С другой стороны, если сопоставить описание деревень уезда, совершенное в это время с другим описанием, отстоявшим от первого не более двух—трех лет, то в большинстве случаев окажется, что значительной части крестьян, попавших в первую опись, уже нет и в помине, их дворы или стоят пустыми или же заняты новыми крестьянами, очевидно „приходцами“.

Возьмем, например, село Кологривово, в Иржинском стане, принадлежавшее Лопатиным. В 1606 году 31 марта в селе числилось, кроме помещичьих, приказничих и людских дворов, 28 дв. крестьянских и 2 бобыльских, всего 30 дворов. Через 4 года, в августе 1610 года, в том же селе всего было 28 дворов крестьянских и ни одного бобыльского двора. Из старых крестьян на месте осталось 23 человека, из бобылей один бобыль, превратившийся в крестьянина, остальные 4 двора заняты новыми лицами да у одного из старых крестьян поселен новый

¹⁾ АРА, № 128.

крестьянин. Таким образом из 30 крестьянских и бобыльских семей шесть исчезли неизвестно куда, т. е. 20% крестьян на протяжении четырех лет передвинулись на другие места¹⁾.

При этом следует иметь в виду, что село Кологривово в отношении крестьянских переходов было одним из самых благополучных. Другие поместья в большей степени были захвачены этими переходами. Возьмем, например, поместье Федора Сычева. В крестьянском составе этого поместья в 1582 году, за какие-нибудь $1\frac{1}{2}$ месяца (!), с 23 июня по 6 августа, случились следующие изменения: раньше за Сычевым числилось 7 дворов крестьянских, все жилые, 1 двор казачий жилой и 1 дв. казачий пустой. За $1\frac{1}{2}$ месяца из поместья ушли 2 крестьянина и один казак, а на их место вселился 1 крестьянин. Таким образом к 6 августа было всего 6 дворов крестьянских жилых и 3 пустых, из них один крестьянский, остальные казачьи²⁾.

Особенно неустойчивым элементом были казаки и бобыли, которым легче было подниматься с места, чем крестьянам, связанным с хозяйством, землей и своими отношениями к помещику. Но крестьяне также нередко, порвав все связи, "убегали" от помещиков. Указания на подобное "бегство" крестьян имеются во многих местах А. П. актов, Арзамасских писцовых и переписных книг.

Вот, например, крестьяне "Васька и Савка Семеновы дети Кривой Шапки" из дер. Епанчиной, в Залесном стане, "а по сказке окольных людей те крестьяне бежали неведомо куды"³⁾. Другой случай: крестьянин Михаила Тилинина Васька Кузнецов из села Умай, "а Васька сбежал перед грамотою"⁴⁾. Вот в дер. Черной, что под Белой Липой, во время раздела поместья между старым помещиком Иваном Петровым Ртищевым и новым Семеном Петровым Чуркиным обнаружилось, что один из дворов, доставшихся последнему, двор бобыля Михаила Кулпинского пуст "и Михалко бежал"⁵⁾. В дер. Моксе, в Залесном стане, насчитали 23 двора крестьянских пустых, "которые крестьяне выбежали оттягли и от государевых податей"⁶⁾. Из дер. Исупово от Ненилы, вдовы Никиты Любятинского, крестьянин "Олеша бежал после Семенова сыску Шильникова"⁷⁾. В селе Гагине при отделе в 1607 году новому помещику отделили вместе с прочими дворами "двор крестьянский пуст, а в нем жил Иванка Непокрытый на четверике, и тот крестьянин живет в бегах"⁸⁾ и т. д.

Переходы и бегство крестьян очень сильно отражались на материальном благополучии помещиков, особенно если переход совершался в летнее время, и помещики всеми силами и мерами боролись с этим явлением. Характер источников не дает возможности вскрыть с исчерпывающей полнотой вопрос об этой борьбе помещиков с крестьянскими переходами в Арзамасском уезде, но указания на эту борьбу в источниках имеются в виде отдельных пометок о каком-нибудь помещике, которого не оказалось дома, так как "побежали люди, поехал их сыскивати".

Обычно помещик, у которого убежали крестьяне, немедленно бросался в погоню за ними и рассыпал повсюду своих людей искать по всем деревням и поместьям бежавших. Если крестьяне не успевали

¹⁾ А. П. А., №№ 200 и 256.

²⁾ А. П. А., №№ 8 и 9.

³⁾ А. П. А., № 292.

⁴⁾ Там же, № 124.

⁵⁾ Там же, № 148.

⁶⁾ Там же, № 401.

⁷⁾ Там же, № 82.

⁸⁾ Там же, № 219.

скрыться или, добежав до какого-нибудь поместья, оседали в нем на земле другого помещика, то старый помещик отыскивал их и возвращал обратно на старые места. Возвращение беглых крестьян от новых помещиков производилось обычно властью, которая, будучи классовой помещичьей властью, неизменно шла навстречу помещикам. Помещик беглых был членом государю о сыске и возвращении ему крестьян, затем Поместный (или Холопий) приказ давал соответствующее распоряжение воеводе, а последний, в свою очередь, посыпал „обыщика“ на место для выяснения дела. В случае благоприятных для помещика результатов обыска, крестьяне возвращались их прежнему владельцу.

Такой случай отмечен в А. П. актах в наказе воеводы о сыске беглого крестьянина. У арзамасского служилого татарина Акбулата мурзы Шекаева в 1594 году „на другой неделе после крещения христова, с середы на четверг в ночи бежал дей из-за него крестьянин его Беляйка Афонасьев з женою и з детьми и со всеми животы“, в то время как сам помещик „в те поры был на государеве службе“. Через некоторое время помещик обнаружил новое местожительство Беляйки. Оказалось, что „нынеча де тот его крестьянин живет в Арзенском уезде за сыном боярским за Микитою за Барсуковым“. Акбулат Шекаев был членом государю, и по распоряжению из Москвы воевода дал наказ от 10 мая того же 1594 года о сыске Беляйки Афонасьева¹⁾.

Это дело любопытно еще в том отношении, что оно рисует картину самого бегства крестьянина во всей ее реальности. Перед нами невольно встает образ крестьянина, задумавшего бежать от помещика. Он выбирает удобный момент, когда помещика нет дома, и, следовательно, надзор за крестьянами ослаблен, собирает свои „животы“, все самые лучшие и ценные для него вещи и пожитки, встает темной ночью, запрягает лошадь и, забрав с собою жену и детей, тихо, но поспешно выбирается из деревни. А там по гимнemu пути, подгоняемый страхом погони и крещенским морозом, крестьянин за ночь подастся далеко от своего барина и сгинет в лесных дебрях или в пустынной степи.

Бегство крестьян было одной из форм их борьбы с помещичьей эксплоатацией. Здесь на границе с степью крестьянин чувствовал себя морально менее подавленным тяжестью государевых и помещичьих повинностей, ибо знал, что в случае какого-либо увеличения кабалы, он всегда сможет, сравнительно, легко отделаться от нее, сбежав в степь, к вольным казакам. Но этот пассивный способ борьбы был не единственным в Арзамасском уезде. Иногда крестьяне пытались бороться более активно, оказывая открытое сопротивление помещикам, отказываясь повиноваться им, работать на барщине и платить оброки. Подобные неповиновения крестьян оканчивались репрессиями со стороны власти, а поэтому на них отваживались по большей части крестьяне из деревень, далеко отстоящих от уездного центра, которые знали, что помещик беспылен что-нибудь сделать с ними без помощи городских властей, а эти последние находятся далеко и не скоро до них доберутся.

Подобный случай неповиновения крестьян произошел в 1612 г. в дер. Ебодино, Залесного стана²⁾, отстоящей от Арзамаса на расстоянии свыше 100 верст и находящейся в самом юго-восточном углу уезда, близ больших алатырских лесов. Деревня Ебодино принадлежала Ивану Федоровичу Пушкину, как его поместная дача в его оклад, а в 1612 г. „то его поместье с его окладу дано ему в вотчину“. Повидимому, это обстоятельство, в связи с предстоящим увеличением оброков, вызвало

¹⁾ А. П. А., № 431.

²⁾ Ебодино — современное Болдино, быв владение Пушкиных, в котором в 1830 г. жил и работал над своими произведениями А. С. Пушкин.

полнение среди крестьян, которые перестали повиноваться Пушкину, и последнему пришлось скакать в Москву с ходатайством о приведении крестьян к послушанию. В Москве Пушкин был членом боярам II ополчения о том, что „тое деи ево вотчины, деревни Еболдина, крестьяне не слушают“, и правительство выдало ему „послушную грамоту“, в которой крестьянам предписывалось обычное: „слушати во всем“ Ивана Пушкина, „пашню на нево пахати и доход вотчинников платить, чем он их изображает“. В случае же неповинования крестьян, Москва предписывала арзамасским властям применить репрессивные меры: „А будет которые крестьяне не учнут Ивана Пушкина слушати, и вы-б тех крестьян, выбрав лутчих человек дву или трех, велели бить кнутьем, а, бив кнутьем, велели вкинуть в тюрьму на неделю, а ис тюрьмы выдали их головою Ивану Пушкину, да тех крестьян велели подавати на крепкие поруки з записьми в том, что им Ивана Пушкина вперед слушати во всем“¹⁾.

Так классовое помещичье правительство становилось на защиту интересов своего класса, силой принуждая крестьян отдавать свой труд помещикам.

„Бунтовали“ и сопротивлялись помещикам не только те деревни, которые далеко отстояли от городских центров и поэтому чувствовали себя в сравнительной безопасности от власти, но и те деревни, которые только что выросли на пустопорожней земле, где-нибудь на вновь колонизуемой окраине, и чувствовали себя свободными от помещичьего ига и государственных повинностей. Попытка передать подобную „новую“ деревню какому-нибудь помещику вызывала в крестьянах „бунт“, и они всей деревней отказывали помещику в повиновении.

Подобный случай был, например, в том же 1612 году в деревне Полдомасово, находившейся далеко от Арзамаса, на вновь колонизуемой окраине Залесного стана „за Пузскою засекою“.

Полдомасово было новой деревней, построенной крестьянами, повидимому, выселившимися сюда из более густо населенных местностей Арзамасского уезда, за границу засечных укреплений, и подвергавшимися свое существование ежедневным опасностям ради вольной жизни без помещиков, воевод и земских голов. Однако их вольной жизни должен был наступить конец, так как в 1611 году деревня была отдана в поместье Федору Левашеву и Якову Миленину, которым была выдана соответствующая отказная грамота. После этого естественно, что „тое деи деревни крестьяне тое грамоты не послушали, отказыватца за них своим воровством не дали“, и помещикам пришлось добиваться управы на крестьян в Москве, указывая, что „оны деи Федор да Яков на земской службе без запасов помирают голодом“. Ходатайство помещиков было, конечно, уважено, и они получили грамоту, согласно которой дер. Полдомасово вновь отдавалась Ф. Левашеву и Я. Миленину в поместье. В той же грамоте арзамасскому воеводе предписывалось принять меры к подавлению неповинования крестьян. „А будет тое деревни Полдомасова крестьяне наших грамот не послушают, а отказатися за Федора да за Якова в поместье не дадут, и ты-б, господине, тое деревни Полдомасова велел привести, выбрав лутчих, крестьян человек двух или трех, да за то их непослушанье велел бити батоги, а, бив батоги, велел вкинуть в тюрьму на .... дни, а ис тюрьмы выняв, велел их отдать Федору да Якову и по прежней и по сей нашей грамоте велел тем крестьянам деревни (Полдомасово)вой Федора да Якова слушати во всем“.

В дальнейшем предписывалось, что „если на тех крестьянах Федор и Яков будут станут искати каких своих убытков, и ты-б, господине, по-

¹⁾ А. П. А., № 342.

ставя их с Федором и с Яковом с очей на очи, судил и сыски всякими сыскад, и управу меж ими учинил во всем, чево доведетца"¹⁾.

Описанные выше случаи неповиновения помещичьей власти со стороны крестьян являются примерами повседневной активной классовой борьбы крестьян против своих угнетателей и эксплоататоров — крепостников помещиков, хотя сами факты из жизни крестьян деревень Еболово и Поздомасово произошли в эпоху крестьянской войны. Эта классовая борьба крестьян была основной причиной, заставившей феодалов установить систему крепостного права и укрепить свою диктатуру, получившую форму самодержавия, путем колосального усиления и увеличения центральной власти московского царя. Установление самодержавия и крепостничества вызывало еще более сильный отпор со стороны русского и национального крестьянства, вылившийся в ряд мощных крестьянских восстаний, носивших прогрессивный антикрепостнический характер, а вовсе не реакционный, регressiveный характер, как доказывали, извращая историю, меньшевики и троцкисты.

В начале XVII в., как известно, разразилась первая в Московском государстве крестьянская война, в которой активное участие приняли и крестьяне Арзамасского уезда. Не входя в детальное исследование этого участия арзамасского крестьянства в т. н. „Смуте“, укажем лишь, что в течение этого революционного периода арзамасские крестьяне не ограничивались теми формами классовой борьбы, какие они применяли до и после „Смуты“, т. е. отдельными, разрозненными выступлениями против помещиков, индивидуальным бегством и т. п., а значительной массой включались в общее движение, прогоняли и физически истребляли помещиков, уничтожали феодальные порядки, захватывали землю в свои руки и т. д. Однако, это движение было так же подавлено, как было подавлено и разгромлено все крестьянское восстание начала XVII в. в целом. В результате подавления этого восстания крестьяне вновь подпали под иго крепостников и вновь вернулись к прежним разрозненным формам классовой борьбы до нового восстания.

Подводя итоги сказанному, мы видим, каковы были те способы, какими арзамасские помещики в обычное время пытались установить свое господство над крестьянами с целью их хозяйственной эксплоатации: они захватывали населенные крестьянами земли, или сажали крестьян на свои поместные земли и при этом давали им льготу, освобождая их от повинностей и оброков на то время, пока они „ставятда ново“, впоследствии помещики закрепощали крестьян, заставляя последних „слушати“ себя „во всем“, „пашню“ на себя „пахать“ и „доход помещиков платити, чем их изоброчит“, крестьяне разбегались в разные стороны от тяжести на-двигавшегося крепостного права, помещики ловили их и силой сажали на старые места; тогда крестьяне целыми деревнями восставали против помещиков, отказываясь им подчиняться, помещики же на неповинование через посредство воеводской власти отвечали репрессиями, „били их батоги“ и „вкидывали в тюрьмы“, приводя подобными мерами внеэкономического принуждения крестьян в повиновение и окончательно закабалия их. Так шла борьба помещиков с крестьянами за создаваемую последними прибавочную стоимость, и в этой борьбе арзамасцы помещики были солидарны друг с другом, а также со всем классом помещиков Московского государства.

Приведенные данные, указывая на внеэкономический характер закрепощения крестьян, на жестокую классовую борьбу, которой сопровождался захват помещиками крестьянской земли и установление поме-

¹⁾ А. П. А., № 348.

щичьей власти над крестьянами, целиком опровергают буржуазно-дворянскую „теорию“ закрепощения „всех сословий русского общества“ в обеспечение насущных нужд „надклассового“ государства и „теорию“ „справедливого и равномерного“ распределения повинностей среди всех классов (помещики защищали страну, купцы платили деньги, крестьяне кормили защитников-помещиков и т. д.).

Точно также факты опровергают и „теорию“ о чисто экономическом происхождении крепостного права, закрепощения посредством помещичьих ссуд крестьянам, сдавшимся на принадлежащую помещикам землю (Ключевский и др.). На самом деле земля принадлежала не помещикам, а непосредственным производителям — крестьянам, и эту землю помещики силой захватывали у крестьян, закабалая при этом самих земледельцев. Суды же были или фиктивными, или служили подсобным фактором для помещиков в деле овладения крестьянским трудом.

Солидарность помещиков в борьбе с крестьянами кончалась там, где сталкивались интересы самих помещиков в их взаимной конкуренции между собой за обладание крестьянами. Каждый из помещиков был заинтересован в том, чтобы захватить не просто поместье, но „жилое“ поместье, населенное крестьянами. Как правило, в поместной практике и поместном праве в XVI в. установилось положение, по которому крестьяне переходили от одного помещика к другому вместе с отделом поместья. Поместный „жеребий“ составлялся из земли и помещичьих, людских, приказчиковых, крестьянских, бобыльских, казачьих и прочих „жилых“ и „пустых“ дворов. Поэтому борьба за рабочие руки среди помещиков сводилась к борьбе за лучшие поместные жеребья, т. е. за жеребья, содержащие в себе и землю и крестьян.

Так как самыми лучшими в этом отношении жеребьями являлись в Арзамасском уезде деревни, расположенные в Утишье, а также населенные села и деревни Залесья, то естественно, что вокруг них разгорается самая азартная аграрная борьба. Пустоши же, поляны, перелоги и тому подобные „пустые“ поместья в гораздо меньшей степени привлекали арзамасцев и почти не вызывали споров. В борьбе же за крестьян арзамасцы применяли все те же приемы, которые употреблялись ими в земельной конкуренции, и каждый земельный спор был в то же время спором и из-за крестьян, поскольку последние входили в состав поместных жеребьев. Поэтому нет надобности останавливаться на этом вопросе, так как выше он был разобран нами с точки зрения борьбы за землю. Здесь же необходимо остановиться на тех приемах аграрной борьбы, которые были специфической формой борьбы за рабочие руки.

Прежде всего необходимо выяснить самый способ отдела крестьян помещикам. При отделе земли единицей измерения служила четверть земли или четъ (в поле, а в дву потому ж), при отделе же крестьян единицей служил крестьянский двор. Каждому помещику отделялись дворы пропорционально получаемой им земли, „по пашне“, так что получающий в два раза больше земли соответственно получал в два раза больше крестьянских и иных дворов. Но так как дворы были экономически различны, то их приходилось уравнивать, но не путем отдела дворов на выбор тому или иному помещику, а путем уравнения их по податному признаку, т. е. двор „вытный“ приравнивать к „вытному“ же, „полувытному“ — к „полувытному“ и т. д. Таким образом устанавливался принцип раздела дворов „повытно“. Точно также дворы пустые приравнивались к пустым, бобыльские и казачьи — к бобыльским и казачьим. В случае же невозможности такого сравнения, пустые дворы по два и по три приравнивались к жилому, два бобыльских шли за один крестьян-

ский и т. п. В конце концов выработалась определенная система разделя, выражавшаяся формулой общей для обоих составных частей жеребья: земли и дворов. Эта формула такова: „а отделяти обоим в поле, а в дву потому-ж, сряду, с одново, а не в розни, и не через землю, и не через деревни, и не выбором, живущее и пустое повытно по четям, а дворов и во дворех людей, и сена, и лесу, и всяких угодий по пашне“.

Но иногда случалось, что при таком способе раздела все же было невозможно разделить тот или иной крестьянский двор. В таком случае обычно двор считался общим, как, например, у Лопатиных Григория и Семена Федоровых, у которых в с. Архангельском был двор, а „во дворе Ивашко Васильев сын Осколок с сыном з Богдашком, вонче с Семеном“ у Григория¹⁾.

Иногда помещики делили спорный двор полюбовно, т. е. или один уступал другому, или метали жребий. Так было, например, в селе Гагине, где „крестьянин Иванка Михеев достался на делу (т. е. на разделе. А. Э.) литовским новакрещенам Венедикту Высотцкому да Торасу Милковскому... вместе и того оне крестьянина разверстали сами промеж себя полюбовна, и тот двор достался новокрещену Венедикту“²⁾.

В редких случаях прибегали к денежной оценке спорного об'екта, и поступившийся своей частью получал ее стоимость. Например, так поступили помещики Бессон Ульянин и Давыд Лысцов, делившие пополам избу. Ульянин должен взять „у Давыда у Лысцова пол-избы, оценена изба десятью алтынами“. Кто-то из них, повидимому, взял вместо своей части 5 алтын³⁾.

Все это создавало страшную неурядицу в дворовладении, которая, присоединяясь к земельной чересполосице, превращала поместье в запутанный клубок владельческих интересов, перекрещивающихся прав, постоянно нарушаемых заинтересованными сторонами, и приводила к непрекращавшимся спорам, ссорам и столкновениям. В одной и той же деревне были жеребья нескольких помещиков, которым принадлежали вклинивающиеся друг в друга куски земли, соседние дворы, части дворов, части овинов, при общем владении прогоном, прудом и т. п., все это не могло не создать почву для непрерывных пререканий помещиков друг с другом.

Таким образом создавалась та пестрота земельных и общественных отношений, которая давила на крестьянство вплоть до Октябрьской революции, разрубившей узел противоречий в деревне и создавшей условия для полной ликвидации как феодальных, так и капиталистических отношений посредством социалистической реконструкции сельского хозяйства, коллективизации и ликвидации кулачества, как класса.

Еще В. И. Ленин отмечал эту пестроту аграрных отношений в деревне и указывал на тот гнет, который создавался этими отношениями для крестьянина. Так, перечислив свыше 20 разрядов крестьян б. Саратовской губернии, В. И. Ленин говорит: „и внутри разрядов подобных же различий масса: иногда даже крестьяне одной и той же деревни разделены на две совершенно отличные категории—„бывших г-на NN“ и „бывших г-жи М.М.“. Вся эта пестрота была естественна и необходима в средние века, во времена далекого прошлого; в настоящее же время сохранение сословной замкнутости крестьянских обществ является вопиющим анахронизмом и чрезвычайно ухудшает положение трудящихся масс, ни-

¹⁾ А. П. А. № 200.

²⁾ А. П. А. № 219.

³⁾ А. П. А., № 114. Пять алтын = 15 коп. или около 4 руб. на наши деньги по цене XVI—XVII вв.

сколько не гарантируя их в то же время от тяжести условий новой капиталистической эпохи¹⁾.

В Арзамасском уезде эта пестрота создавалась помещиками еще на рубеже XVI—XVII вв.

Стараясь „всеми правдами и неправдами“ оттягать друг у друга поместные жеребья, а в их составе присвоить себе и крестьян, арзамасцы, кроме того, прибегали к насильственному свозу крестьян из поместий своих конкурентов. В этом отношении арзамасцам подавало пример самодворцовое ведомство, которое занималось свозом крестьян под видом увоза найденных дворцовыми сыщиками беглых крестьян. Такой случай имел место, например, с крестьянином Якова Семенова Миленина, у которого сын Парфен Нефимонов „вывез из-за отца его из-за Семена крестьянина Петрушку Толстова (с дву)ма пасынки, съИвашком да с Ваською“. Якову Миленину пришлось бить челом ц. Федору о возвращении ему крестьянина и доказывать, что „крестьянин Петрушка жил за отцом его (двад)цать один год, в деревне в Никушах жил д(есять) лет да в деревне Пойской жил од(иннадца)ть лет, а пришел де тот крестьянин за отца его жить в выходные ле(та)“. Между тем дворцовый сынник не ограничился одним свозом, а возбудил дело о покрытии убытков дворцового ведомства, которое было, якобы, лишено доходов от крестьянина во все время его жизни за Милениным. „Да... де... Парфен правит за того крестьянина на нем на Якове на прошлые годы на де(сять) лет денежных доходов и пособ(ного) хлеба“.

Поместный приказ распорядился расследовать это дело, но неизвестно, чем оно кончилось²⁾.

Особенно усилился своз крестьян в „смутное“ время, когда некоторые арзамасцы, пользуясь ослаблением центральной власти, без всякого стеснения свозили крестьян целыми деревнями у своих более слабых соседей.

Например, у арзамасцев Москатиньевых из их села Даниловского „крестьян з дворы вывозил сильно³⁾ Григорей Кошкаров в межеусобство к себе в поместье при Тушинском“ и, повидимому, Москотиневым не удалось этих крестьян возвратить к себе обратно⁴⁾.

Арзамасские помещики не только стремились всякими способами приобрести крестьян в свое владение, но вместе с этим пытались их прикрепить к своей личности, чтобы не лишаться возможности эксплоатировать их в случае перевода самих помещиков с одного жеребья на другой. Наиболее распространенной формой подобного прикрепления были попытки перевода крестьян вслед за помещиком и переноса крестьянских дворов на землю их владельца. Картину таких переводов рассыпаны во многих актах сборника А. П. А., например, в 1586 г. происходил раздел поместья между Болтиными Федором, Василем и Иваном Михайловыми и Иваном Дмитриевым в дер. Кобылино, Тешского стана. Каждый из них получил определенное количество дворов и земли. При этом оказалось, что „которые были дворы крестьянские Васильевы написаны по писцовским книгам за Василем, и те дворы стали в мере на усадища Ивану Дмитриеву сыну Болтину к его земле.... и те дворы Василю снести на свой усад.... и то места в осень очистить под Ивановы дворы“ и, наоборот, оказалось, что дворы И. Д. Болтина стоят на земле Василя и их необходимо перенести на усадьбу первого. Чтобы все это урегулировать, надлежало перенести Василю Болтину дворы и перевести

¹⁾ Ленин, Соч., т. III, стр. 296.

²⁾ А. П. А., № 112.

³⁾ Сильно, т. е. силою.

⁴⁾ А. П. А., № 301.

своих крестьян в количестве 11 дворов крестьянских и 1 двор бобыльский¹⁾.

Или другой пример. Надеялся поместьем князь Иван Семенович Путятин жеребьями из поместий арзамасца Ратмана Левина, что оставались за выделом прожитка жене Левина Устинье „с сыном с-Ывашком да з двема дочерьми з девками“. При отделе, который был произведен 24 авг. 1598 года, Устинье достался, между прочим, двор „крестьянской Онохи Ондриева, а Оноха отделен и з детьми князю Ивану на пустошь на селище“, так что Путятину пришлось переводить крестьянина из Тешского стана в Залесный²⁾.

Случай перевода крестьян из одного стана в другой был еще, например, при разделе поместий Волуя Скобельцына с его невесткой Матреной. Поместья их были в Утишье в дер. Шерстине и в Залесье в дер. Ройке и пустоши Филипповской. При разделе 1608 года Матрене достался бобыль в дер. Шерстине и ей пришлось этого бобыля Василья Котафьева „перевезти ево в деревню на Ройку и посадить с своими крестьяны“, при чем взять для него у одного из крестьян Волуя „баньку да возле баньки пристенец“.

При новом же разделе в 1612 году, когда Волуй получил, согласно его желанию, деревню Шерстино и пустошь Филипповскую, он вывез своих крестьян из дер. Ройки на пустошь, но не сразу, а после снятия двух урожаев. „А живучи тем крестьяном за Волуем в деревне Ройке, посеети в нынешнем во 120 году рожь в землю, а впредь на 121 год посеети еровой хлеб, и как даст бог хлеб з земли орженой и яровой спрячут и Волую Скобельцыну тех своих крестьян из деревни Ройки вывести на свой жребий на пустошь Филипповскую“. Переселению должны были подвергнуться 11 крестьянских дворов.

Таким образом, помещики, заинтересованные во всемерной и при том длительной эксплоатации крестьян, пользуясь постоянной поддержкой государства, всеми способами старались прикрепить крестьян к своей личности, захватив их земли, набрав их всеми правдами и неправдами в свое поместье, стараясь силой удержать их за собой, отражая все попытки отнять их, идущие как со стороны других помещиков, так и государства, и пытаясь переводить этих крестьян и переносить их дворы за собой во время своих передвижек из поместья в поместье.

То, что еще только намечалось в XVI в. и начало развиваться в начале XVII столетий, впоследствии вошло в обычай, в норму, а затем в середине XVII в. было уже санкционировано законом, как основа помещичье-крестьянских отношений.

В „смутные“ годы многие крестьяне разбежались со своих мест и тем самым уменьшили „фонд“ рабочих рук и обострили борьбу между помещиками. Так, например, в дер. Коробино, в Подлесном стане, при надлежащей козьмо-демьянскому жильцу Ивану Александровичу Левашеву, по дозору 25 августа 1616 года оказалось 3 пустых крестьянских двора „да 6 пустых мест крестьянских, а хором на них городьбы нет. А те крестьяне розбрелись розно в межусобное время от казаков, от войны, от темниковских татар приходу Осипа Трубникова, и от тяжелого окладу Федора Дементеева и во всяких государственных податех³⁾).

В результате крестьянской войны многие села, деревни и поместья Арзамасского уезда превратились в развалины, запустели, выгорели, поля поросли лесом, население разбежалось, погибло или вымерло, так

¹⁾ А. П. А., № 28; см. также №№ 232, 76, 203, 124, 17, 86, 141 и др. акты.

²⁾ А. П. А., № 129.

³⁾ А. П. А., № 404. О разорении деревень и поместий от набегов см. также №№ 386, 398, 399 и другие акты.

что после „Смуты“ долго еще не могла наладиться и восстановиться жизнь края. Например, в дер. Малое Страхово, на р. Мокрой Ирже, в результате „Смуты“ появились 5 пустых крестьянских дворов и 13 пустых дворовых мест. „Облогом непаханые земли 70 чети, да залогу и дикова поля и заросли 50 чети“, а в конце концов „в жиущем стало в деревне в Страхове роспашные земли осмина“¹⁾.

Таким образом крестьянская война в Московском государстве в начале XVII в., втянув в свою орбиту Арзамасский уезд, непосредственно отразилась на аграрных отношениях, на темпе внедрения поместного землевладения в окраину государства и на благоустройстве самих поместных жеребьев уезда. „Смута“ обострила аграрную борьбу и привела в беспорядок мобилизацию поместий, вследствие перекрещивающихся раздач поместных жеребьев различными одновременно существующими правительствами. С другой стороны, „Смута“ ускорила процесс сближения поместного и вотчинного землевладения, перемешивая поместья с вотчинами, закрепляя поместные дачи в вотчинное владение дворян.

Отражаясь на всем населении уезда, крестьянская война обезлюдила поместья, разогнала крестьян, многих из них вычеркнула из списка живых и уничтожила их хозяйства. В результате „смутного времени“ многие селения и местности уезда запустели, хозяйственная жизнь нарушилась и самое хозяйство помещиков было отброшено на несколько десятилетий назад. Феодальная реакция, наступившая в результате поражения крестьянской войны, была необходима для крепостников-помещиков, чтобы обеспечить себя землей и крестьянами, за большее количество которых они вели постоянную и жестокую борьбу.

В этом отношении результаты великой крестьянской войны начала XVII в. в России вполне аналогичны результатам крестьянской войны в Германии 1525 г.

Эта же феодальная реакция, установив в Московском государстве диктатуру помещиков-крепостников, была средством нового усиления крепостничества, нового нажима на крестьянство, базирующегося на внеэкономическом принуждении, характерном для феодальной общественно-экономической формации. Поэтому совершенно неверными являются теории механистов о том, что крепостничество является особой, отличной от феодализма, общественно-экономической формацией или механистические взгляды, считающие крепостничество формой проникновения капитализма в сельское хозяйство, или формой завершения „торгового капитализма в сельском хозяйстве“. Все эти теории „торгового капитализма“, „крепостничества“ и т. п. на самом деле ревизируют марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях и должны быть отвергнуты, как извращающие и фальсифицирующие исторический процесс и создающие теоретические предпосылки для всевозможных антиленинских, антипартийных выступлений, льющих воду на мельницу классового врага.

¹⁾ А. П. А., № 407. Осмина, т. е. полчетверти, равнялась одной четвертой части десятины. „Живущая роспашь“ или пашня — количество земли, облагаемой поземельным налогом.

КАРТА
АРЗАМАССКОГО УЕЗДА.

XVI-XVII вв.

СОСТАВЛЕНА А. В. ЭММАУССКИМ.

МАСШТАБ 1:420,000 В Английском дюйме 10 вер.

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

УСЛОВНЫЕ
ОБОЗНАЧЕНИЯ:

Граница уезда
Граница Утишье и Залесье.
" станов.

Категории селений.

○ Дворцовые селен. Мордовские

○ Ватчинные " " Тюмень в Влад. рус. помеч.

○ Поместные " " " по влад. монастыр.

⊕ Монастырские " " Селен. во владении

● Чёрные " " Ольчиных татар

A.

Части уезда:
Утишье

I	Подлесный	стан
II	Ирлининский	" "
III	Тешкинский	" "
IV	Иналовский	" "

B.

Залесье:

V	Залесский	стан
VI	Завадский	" "

Курмуйч. у. Арзамасской приписи
VII. Колонизуемая окраина